

Е к а т е р и н а Б е л е ц к а я

Проект Сансет
серая книга

Д О Р О Г А

ИЗ ПЕПЛА И СТЕКЛА

Екатерина Витальевна Белецкая

Дорога из пепла и стекла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288774

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждый имеет право на ошибку. Вопрос только в том, кто ошибся, и какой масштаб может принять событие, если действует не обычное разумное существо, а нечто гораздо большее. Например, Слепой Стрелок. Хотя, возможно, Стрелок прав. Ошиблись решившие попробовать войти в игру, как им казалось, в качестве наблюдателей, а на самом деле – уже полноправными её участниками, настоящими интеграциями Слепого Стрелка. Или нет? Вопросов снова больше, чем ответов, к тому же ситуация складывается более чем непростая. Потому что, для начала, нужно ответить на вопросы «когда», и «где», а потом уже думать о теории. В которой, кажется, возникает следующий компонент. Так самая дорога из пепла и стекла...

Содержание

Глава 2. Четыре стены	27
Глава 3. Лийга	49
Глава 4. Карта	71
Глава 5. Акинаата-кипу	94
Глава 6. Притча	117
Глава 7. Череп	142
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Екатерина Белецкая

Дорога из пепла и стекла

Холодным ветром закушу. Холодным ветром.

Поля... Вокруг – одни поля. Сплошные мины...

И с каждым метром все страшнее. С каждым метром.

И я иду, молясь в душе. Пропавший. Инок.

А. Залищук

Глава 1

.

Халвквина

Холодный, наполненный тяжелой солёной влагой ветер заполаскивал ветхую ткань, и норовил хлестнуть углом подвязки по лицу. Угол то и дело приходилось поправлять, потому что левый глаз, по которому угол уже несколько раз попал, слезился и болел. К сожалению, заправить этот угол как следует не получится, потому что Рифат не любит, когда останавливаешься, и занимаешься не тем, чем было приказано. Угол снова хлестнул по левому глазу, и рука сама потянулась к нему, чтобы заправить, но...

– Скиа, что ты делаешь? – раздался позади раздраженный голос Рифата. – Собирай плавник, кому сказано! Ты что, хочешь, чтобы она замёрзла? Чтобы мы все замерзли? Ответь!

– Не хочу.

– Правильно. А чтобы было тепло, надо собираться плавник, – наставительно произнес Рифат. – Собирай плавник. Поняла?

– Да.

Спорить или просить было бесполезно, поэтому пришлось подчиниться. Сухие, обглоданные волнами и солнцем куски дерева, имелись на берегу в изобилии, проблема была в том, что как топливо они были, мягко говоря, плохи, потому что прогорали слишком быстро, и поэтому требовалось их много. Очень много. Три часа в сутки уходило на сбор плавника, полтора часа утром, и полтора часа вечером, потому что собрать надо было с запасом, на случай бури или дождя.

Угол проклятой повязки снова хлестнул по глазам, но поправлять его сейчас не представлялось возможным – потому что Рифат смотрел, снова смотрел, и взгляд его был в тот момент словно бы отстраненным, но в то же время строгим, тяжелым, и поблажек не обещающим.

– Собирай плавник, – повторил Рифат. И, наконец, отвернулся. Ну, хоть так. И на том спасибо.

Всё это началось, если, конечно, слово «началось» тут вообще уместно, около двух месяцев назад. То есть момент «включения», если, опять же, тут это слово применимо, произошел два месяца назад, и, по мнению Скрипача, лучше бы

этого момента не было вовсе. Он осознал себя... нет. Неправильно. Всё не так, и всё неправильно. Потому что на самом деле было вот что.

Скрипач пришел в себя, именно пришел в себя, на берегу холодного беспокойного моря, и очнуться его заставила боль, дикая боль в левой руке, от ключицы до кисти. Когда удалось открыть глаза, он понял, что полусидит, прислоняясь спиной, к холодному мокрому камню, находившемуся у линии воды. Сознание мутилось, плыло, он попытался встать, но боль резанула с такой силой, что он тут же упал обратно, ударившись о камень. От боли темнело в глазах, и несколько минут он просидел в полузабытии, но потом всё-таки сумел собраться, потому что осознал, что нужно хотя бы попробовать оглядеться.

Ита он нашел после третьей попытки отойти от камня на несколько шагов, за небольшой скальной грядой, у самой воды. В первые секунды он подумал, что Ит мёртв, но тут же понял, что ошибся. Ит был жив, но, судя по тому, что видел Скрипач – ненадолго. Потому что не получится прожить долго в мокрой одежде, на ледяном ветру, дующем с моря, с таким количеством переломов, ран, и с такой кровопотерей. Скрипач тогда просто молча сел рядом с Итом на мокрый камень, и замер. Сознание снова стало мутиться, плыть, ветер вытягивал из тела остатки тепла, и Скрипач в тот момент подумал, что они оба, видимо, совсем скоро умрут, и что, наверное, с этого берега у них есть шанс попасть на тот,

эфемерный, запредельный, и это, кажется, будет хорошо и правильно, и поскорее бы.

Из полузабытья его вывел раздавшийся рядом звук шагов, а потом – шорох осыпающихся мелких камней под чьей-то ногой. Скрипач кое-как открыл глаза, и увидел, что рядом с ними стоит рауф, мужчина, точнее – глубокий старик, одетый в какую-то рванину; стоит молча, не произнося ни звука, и смотрит на них. Потом старик отвернулся, и медленно пошел между камней прочь. Скрипач глянул на Ита, потом встал, придерживая истерзанную левую руку правой, и пошел следом за стариком – в эту секунду он даже толком не осознавал, зачем он это делает, потому что никакой надежды у него не было, и бороться – понять бы ещё, с чем – у него не осталось ни сил, ни желания. Догнать старика он смог минут через десять, тот, разумеется, слышал, что Скрипач идёт за ним, но даже не обернулся.

– Помогите, – произнес Скрипач на всеобщем. – Пожалуйста, помогите нам...

Старик, наконец, остановился, повернулся – холодный, безразличный взгляд, абсолютное равнодушие.

– Иди вон, – сказал он тоже на всеобщем. – Прочь пошла. Иди прочь.

Он говорил с чудовищным акцентом, но понять сказанное можно было бы и без слов вовсе.

– Помогите нам, – снова сказал Скрипач.

– Пошла прочь, – снова повторил старик.

– Пожалуйста...

– Пошла! – старик замахнулся. Не ударил, нет, именно замахнулся. Скрипач отступил на шаг, старик повернулся, и снова побрел по едва заметной между камней тропинке, уводящей от берега к линии низкорослых облетевших деревьев, виднеющейся неподалеку.

– Помогите... – снова безнадежно произнес Скрипач, но старик шел, не оборачиваясь, и не замедляя шага.

Скрипач шел в результате за Рифатом – тогда, конечно, имени старика он не знал – больше получаса, едва ли не плача, и умоляя помочь. Наконец, Рифат не выдержал, и остановился. Почему – Скрипач по сей день так и не понимал, но да, Рифат остановился, и, прищурившись, посмотрел на Скрипача, впервые за всё время внимательно, едва ли не оценивающе.

– Что с лицом? – спросил он с неприязнью.

– Что? – не понял Скрипач.

– Что с твоё лицом? – снова спросил Рифат. – Почему такой лицо?

– Какое? – Скрипач опешил.

– Ты халвквина. А выглядеть как шрика. Почему?

– У нас все так выглядят! – с отчаянием сказал Скрипач.

– Обычный лицо? – кажется, старик удивился.

– Да, – кивнул Скрипач. – Обычный.

– Десант? – спросил старик.

– Что? – снова ничего не понял Скрипач.

– Вас бросать десант? Там, камни, вода, – старик указал рукой в сторону моря. – Десант бросать? Бить, потом бросать?

На всякий случай Скрипач кивнул, и, кажется, этот кивок удовлетворил любопытство старика целиком и полностью. Он с минуту подумал, видимо, что-то решая про себя, а затем произнес:

– Иди к ней. Я вернуться. Иди.

Он действительно вернулся, почти через час, и принес с собой большой кусок ткани, весь в прорехах, но, кажется, относительно крепкий. Расстелил эту ткань рядом с Итом, подумал, а затем объяснил:

– Тащить. Я не могу носить, я старый. Ты не можешь, слабая, рука сломана. Надо тащить.

– А донести некому? – спросил Скрипач.

– Нет. Никого нет, – покачал головой старик. – Помогай мне её класть. Будем тащить, пока не умрёт.

– Почему умрёт? – спросил Скрипач.

– Ты дура? – удивился старик. – Ты не смотреть? Кости сломан, весь низ сломан. От пояса. Кто это сделал, убивал. Тебя убивал, её убивал. Бросил, чтобы не брать греха. Не совсем убил. Шрика так любят делает, не убил, нет греха. А

теперь старый меис будет брать на себя чужой грех. Когда тащить убивать. Помогай, зачем встала?

Конечно, толком помочь Скрипач ничем не мог, потому что сам едва не терял сознание от боли, но они всё-таки кое-как справились, и сумели переложить Ита на ткань, а затем потащили по всё той же тропинке, в сторону от берега, к лесу. Дорога эта запомнилась Скрипачу как долгое, изнуряющее, непрекращающееся истязание, потому он старался как-то помочь старику, но любое усилие при попытке воспользоваться правой рукой отдавалось дикой болью в раздробленной левой. Сломано, кажется, было всё, действительно всё, и к концу пути Скрипач уже с трудом понимал, где они находятся, и что делают. Вдвоем они затащили Ита в какое-то помещение, Скрипач почувствовал, что в помещении этом тепло, и нет, о чудо, этого проклятого ледяного мокрого ветра.

– Смотри огонь, – приказал старик. – Чтобы не стало холодно. Скоро приду.

Он указал на груды побелевших деревяшек, валяющуюся неподалеку от небольшого очага, расположенного у дальней стены, и вышел. Скрипач сел на пол рядом с Итом – живой, ну надо же – потом лёг. Мыслей не было. Слов не было. Сил не было. Вообще ничего не осталось, даже боль, кажется, немного притупилась, и отступила перед страшной усталостью. Он уже не мог бороться, глаза закрывались сами собой, и Скрипач сдался. Подвинулся поближе к Иту, взял за

руку здоровой рукой, и провалился в сон.

Проснулся он ночью, его разбудили голоса. Говорили двое, старик, и, кажется, какая-то женщина, говорили тихо, но разобрать их слова никакой трудности не представляло.

– Ты сам видишь, безнадежно. Перелом костей таза, перелом бедра, выбиты оба тазобедренных сустава, порезы, внутреннее кровотечение. В любом случае она умрёт. Либо от болевого шока, либо от потери крови, либо от заражения.

– Вижу, – голос старика звучал глухо. – Шрика совсем потеряли совесть. Так измываться над халвквинами, и ведь я понимаю, почему это было сделано. Бесстыжие твари.

Лаэнгш, понял Скрипач. Они говорят на лаэнгше, но форма какая-то странная, совершенно незнакомая. Язык можно снять на маску... когда на это будут силы. Если будут. И если в этом будет смысл. Но хотя бы так, хотя бы не исковерканный до невозможности всеобщий. Понятно почти всё.

– Оставишь у себя? – спросила женщина.

– А что делать? Оставлю. Похороню потом... где других, – ответил старик. – Совсем молодые. Лет восемнадцать, ну, двадцать. Лийга, за что мне это всё?

– Ты у меня про это спрашиваешь? – с печалью спросила женщина. – Не знаю. Мы не поможем. У нас ничего нет. Даже для себя ничего нет.

– Принеси хотя бы корни хулма, – попросил старик. – Ты

сушила, я знаю.

– У меня их мало, – женщина помедлила. – Самой не хватает. Принесу, но немного, Рифат. Утром принесу.

На самом деле имя старика, конечно, звучало сложнее, но Скрипач сконструировал его для себя как «Рифат». По согласным. Анализировать правильный порядок коротких гласных у него не было сил.

– Пусть хотя бы спит, – согласился старик. – Ей очень больно. Пытался привести в себя, но...

– Ты сошел с ума? Зачем? Ты же больше меня в этом понимаешь, для чего ты это стал делать?!

– Посмотреть. Я увидел, что хотел. И что ждал. Одно только было неожиданно. Ну, кроме их лиц.

– И что же?

– Она не внушаема. Хотел снять боль внушением, не получилось.

– Ну, такое бывает, – ответила женщина. – Нечасто, но бывает. Я пойду, Рифат. По свету вернусь с корнями. И... не впутывай меня в это всё, – попросила она. – Я не хочу это видеть.

– Хоронить придешь?

– Хоронить приду. Помогать – прости, нет. Жертвы шрика – это не то, что заставит меня приходить сюда. Думаю, ты понимаешь.

– Понимаю. Иди, Лийга. Жду тебя утром.

Следующие несколько дней Скрипач почти не запомнил, они слились словно бы в один длинный сумеречный период безвременья, в котором не было чёткого деления на время суток. От Ита он не отходил, то сидел с ним, на краешке узкой скамьи, то лежал рядом, на полу; толку от его присутствия не было практически никакого, но, честно говоря, помощи от старика тоже не было почти что никакой. Утром и вечером Рифат заваривал в маленькой металлической кастрюльке какие-то корешки, и ставил плошку рядом с очагом, настаиваться. А потом куда-то уходил, и возвращался через несколько часов – за это время Скрипачу, согласно его приказу, требовалось несколько раз напоить Ита настоем из ковшика, и «соблюсти чистоту», причем делать это можно было только во время отсутствия Рифата, никак иначе.

Сказать, что Иту было плохо – это не сказать ничего. У оступевшего от собственной боли Скрипача не было никаких сил удивляться, что Ит, не смотря на травмы и боль, почему-то ещё жив, и он добросовестно старался делать то, что приказал Рифат. Кажется, корешки, которые принесла женщина, обладали снотворным действием, по крайней мере, Ит, после того, как Скрипач заставлял его выпить то, что положено, впадал в забытие, успокаивался, видимо, боль тревожила его меньше. Боль... на третьи сутки Скрипач осмотрел Ита, и после этого сидел рядом час, молча, в немом ужасе. Да, действительно, сломано было всё, как и сказала та

неведомая женщина, которую Рифат назвал Лийга. Если точно – перелом костей таза типа Мальгения. Разумеется, перелом вертлужной впадины. А, нет. Два перелома. Перелом левой бедренной кости. Со смещением. Даже в нормальных условиях потребовалось три, а то и четыре операции, более чем серьезных, а потом реабилитация, которая заняла бы несколько месяцев. Здесь... здесь оставалось только ждать, и пытаться как-то свыкнуться с мыслью о том, что даже если Ит сумеет после этого всего выжить, он, скорее всего, уже никогда не встанет на ноги. Впрочем, об этом Скрипач почти не думал. Он словно находился все эти дни в каком-то странном оцепенении, и не задавался подобными вопросами, вернее, эти вопросы в то время словно бы существовали отдельно от него. Он, Скрипач, был в одном пространстве – в этой странной комнате без окон, с постоянно горящим в очаге огнём, рядом с узкой скамьей, на которой лежал Ит, а вопросы – существовали в другом пространстве, с первым никак не пересекающемся. Ещё в этом пространстве существовал Рифат, хмурый, неразговорчивый, с тяжелым, словно бы осуждающим взглядом, абсолютно не стремившийся к общению и разговорам; Рифат, от которого лишнего слова невозможно было добиться; Рифат, который, кажется, укорял себя – за то, что согласился помочь. Скрипач, который об этой помощи так отчаянно просил, уже и сам понимал, что ни о какой настоящей помощи не могло быть и речи...

Однако, когда на седьмые сутки Ит немного очнулся, Ри-

фат, кажется, слегка смягчился – если, конечно, это можно было так назвать. Сперва он сварил утром некое подобие каши из зерен танели (Скрипач узнал запах, и это его обрадовало – хоть что-то знакомое), потом предложил поесть Скрипачу, велел напоить Ита отваром, а затем сказал, снова на всеобщем:

– Надо вправлять нога. Чтобы могла ходить.

– А можно говорить на лаэнгш? – отважился, наконец, Скрипач. – Всеобщий трудно, непонятно.

До этого они общались на том подобии всеобщего, которое знал Рифат, но Скрипачу это уже надоело. Уж очень сильно был искажен язык, утеряны формы, согласования, исковерканы слова.

– Знаешь лаэнгш? – удивился Рифат.

– Знаю, – ответил Скрипач. – Другую форму, но они похожи.

– Ты умная, – кивнул Рифат. – Это сложный язык.

– Умный, – поправил Скрипач.

– Умная, – резко произнес Рифат. – Не смей говорить о себе в мужском роде. Ты халвквина, как тебе не стыдно так себя вести?

– У нас все говорят о себе в мужском роде, – ответил Скрипач.

– Это очень плохо, это неправильно, – покачал головой Рифат. – Постыдно. Тебя ужасно воспитали. Сколько тебе лет?

Скрипач открыл было рот, но, к его невероятному удивлению, Ит его опередил.

– Двадцать, – едва слышно произнес он. – Мне двадцать. Ей девятнадцать.

– Вы сёстры? – кажется, Рифат не удивился тому, что Ит вдруг заговорил. Зато Скрипач удивился, и так и замер – с открытым ртом.

– Да, – ответил Ит.

– Как тебя зовут? – спросил Рифат, повернувшись к Иту.

– Ит, – ответил тот.

– Ужасно, – поморщился Рифат. – А тебя?

– Скрипач, – ответил Скрипач.

– Так нельзя, – Рифат на секунду задумался. – Имя женщины, и имя халвкины должно быть мелодичным, или хотя бы заканчиваться открытым слогом. Тебя я буду называть Итта, а тебя Скиа. Это правильные имена, и не очень редкие.

– Хорошо, – кивнул Скрипач. Он уже понял: лучше согласиться. Ит прав, он повел себя верно. В ситуации, подобной той, в которой они оказались, лучше соглашаться, потому что Рифат непредсказуем, с него станется выкинуть их обратно, на берег. На верную смерть – если ему что-то всерьез не понравится.

– Тебе нужно вправить кость, – Рифат повернулся к Иту. – Если не вправить, ты не сможешь ходить.

– Боюсь, что не смогу, даже если вправить, – Скрипач видел, что говорить Иту трудно, но вмешиваться не рискнул.

– Время рассудит, – пожал плечами Рифат. – Если ты сумела остаться живой после таких побоев, то, возможно, сумеешь потом и ходить. Как знать. Плохо то, что ты очень слабая, а терять время нельзя, потому что кость срастется неправильно, или не срастется вообще, если ждать дальше. Вправлять больно. Ты можешь не выдержать.

– А эти корни? – Скрипач кивнул в сторону ковшика, стоявшего на своем обычном месте возле очага. – Они не помогут?

– Это не лекарство, – покачал головой Рифат. – Это годится только для сна, чтобы спать крепче. Лекарств нет.

– Почему? – спросил Скрипач.

– Ты слишком любопытна. Здесь ничего нет, – по всей видимости, Рифат решил, что разговора не будет. – Всё равно, надо пробовать. Скиа, иди к морю, ищи крепкие прямые ветки. Итта, тебе надо будет поесть, потом поспать, чтобы были силы. Вечером будем делать.

– А если не делать? – спросил Скрипач. Он уже стоял у двери. – Если сейчас просто дать ему... простите, ей немного выздороветь, а потом отвезти туда, где есть помощь?

– Для неё здесь нет помощи, – отрезал Рифат. – Иди. И заодно собери плавник, какой увидишь. В доме холодно.

Ит, вопреки опасениям Скрипача, выдержал. Правда, после экзекуции, в которую превратилась попытка вправить

перелом, он пролежал в отключке почти сутки, но, когда пришел в себя, на боль не жаловался, и, кажется, чувствовал себя сносно. Впервые за эти дни они, наконец, сумели поговорить – Рифат, убедившись в том, что хоронить в ближайшее время никого не потребуется, снова куда-то ушел, и они остались одни.

– Рыжий, что с рукой? – спросил Ит. – Может, тоже попробовать вправить?

– Там нечего вправлять, – покачал головой Скрипач. – Каша. Мясорубка. Пальцы не чувствую, кисть тоже. Судя по тому, что я вижу, даже репозицию осколков сделать не получится.

Руку он за эти дни наловчился подвязывать, прижимая к телу, чтобы поменьше двигалась – но всё равно, нет-нет, да слышался при движении отвратительный звук, крепитация, когда осколки тёрлись друг об друга. Предплечье, плечо, и ключица болели непрерывно, и в покое, и в движении, но постепенно боль становилась меньше, или же Скрипач к ней как-то притерпелся.

– Н-да, – Ит вздохнул. – В некотором смысле, нам повезло, кажется.

– В каком это некотором? – нахмурился Скрипач.

– Эмболия, сепсис, – Ит вздохнул. – Сам понимаешь, умереть у нас было очень много возможностей. Но мы ими почему-то не воспользовались. Так, ладно, про это потом. Ты хоть что-то помнишь?

– Локацию Киую, – Скрипач задумался. – Картон на полу, с рисунком. Темноту. Это всё. А ты?

– Я тоже, – ответил Ит с досадой. – Ты ничего не замечаешь? – вдруг спросил он.

– Что именно? Ты о чём? – не понял Скрипач.

– Когда Рифат спросил про возраст, я ответил, что мне двадцать, – сказал Ит. – Посмотри теперь внимательно на меня. И на свою руку, которая целая. Правда, не замечаешь? Ну?

– Чёрт... – только и смог сказать Скрипач.

– Вот-вот, – кивнул Ит, и закрыл глаза. – В том и дело.

Скрипач подошел к Иту, сел рядом, и вгляделся – впервые за эти дни. Раньше у Ита была седина в волосах, не очень много, но – была. Виски, например, были седыми, пусть и не полностью. Была сеточка морщин у глаз, постороннему взгляду почти незаметная. А сейчас... не смотря на ужасающее общее состояние можно было разглядеть признаки, про которые они оба уже давным-давно позабыли. Никакой седины. Молодая кожа, чистая, без единой морщинки. И – руки. Руки, которые всегда первыми выдают возраст.

– Геронто, – произнес Ит беззвучно. – Не одно. И не два. Мы всегда уходили до ста пятидесяти, рыжий, но не дальше. Когда делали. Это очень опасно, опускать так далеко. Это кто-то с нами сделал. Понимаешь?

– Может быть, поэтому мы и выдержали, – сказал Скрипач без особой уверенности. – Организм в молодости рече-

нерирует гораздо лучше, чем возрастной.

– Согласен, – кивнул Ит, не открывая глаз. – Я на тебя смотрел последние дни... чёрт, я уже позабыл, когда ты был настолько рыжим.

Скрипач усмехнулся.

– А я ничего не заметил, – признался он. – Больше всего боялся, что он нас отсюда вышвырнет. Не до того было. Ит, не помнишь, как мы оказались там? На берегу?

– А мы были на берегу? – удивился Ит. – Прости, родной, это как-то прошло мимо меня, если честно. Помню только, что было очень больно. И всё. А ты?

– Я тоже ничего не помню, – признался Скрипач. – Очнулся, сидя у какого-то камушка. Несколько раз пробовал встать, получилось не сразу. Прошел чуть вперед, там ты лежишь. Это всё.

– Приехали, – констатировал Ит. – Хреново. Рыжий, там есть что-нибудь попить? Только не этот отвар. Есть хотя бы вода? Очень пить хочется всё время...

– Сейчас принесу, – Скрипач встал. – Немудрено, что пить хочется, после такой кровопотери было бы странно, если бы не хотелось. Тебе бы поесть что-то посущественнее, но ведь нет ничего, кроме этой каши, будь она неладна.

– Вообще ничего? – спросил Ит.

– Увы. Он сам ест только тanelи, иногда с каким-то маслом, и пьёт воду. Даже лхуса у него нет, как я понял, – Скрипач вернулся с мятой стальной кружкой, помог Иту напить-

ся. – На такой диете ты рискуешь протянуть ноги.

– Я уже, – Ит невесело усмехнулся. – Кто же нам помог-то, а? Хромой и Однорукий. Сбывается пророчество Бетти.

Скрипач замер с кружкой в руке.

– Так, – начал он медленно. – А ну признавайся, когда ты очнулся на самом деле?

– Трое суток назад, – ответил Ит. – Решил немного полежать и посмотреть.

– И что ты ещё за это время... посмотрел? – спросил Скрипач.

– Не хочу тебя пугать, но у тебя до сих пор выраженный отек, и на лице, и на здоровой руке, – тихо сказал Ит. – У меня, видимо, тоже. Но ты его списал на травму, как я понял.

– Верно, – кивнул Скрипач. – Разве нет?

– Нет. Это гибер. Судя по всему, очень долгий гибер, – Ит снова закрыл глаза, видимо, он устал. – Или, может быть, как и геронто, он был не один.

Скрипач прижал кисть здоровой руки к углу скамьи, на которой лежал Ит, потом резко отдернул руку, и посмотрел на появившуюся на коже белую полосу.

– Твою налево, – произнес он севшим голосом. – Что же с нами случилось? Что с нами сделали?..

– Не знаю, – еле слышно ответил Ит. – Я не знаю. Сказал только то, что сумел заметить. Теперь твоя очередь, рыжий. Собирай в мозги в кучу, и смотри. Ты сумеешь.

– Ну, теперь, надеюсь, действительно сумею, умирать ты

вроде бы не собираешься, значит, можно и посмотреть, – согласился Скрипач. – Слушай, на счет Рифата. Он сказал, что мы – халвкины, я сейчас вспомнил, да, такая форма существует, но...

– Называется иначе. Там, где мы бывали, эта форма называлась иначе. На Тингле... помнишь? Там жила семья, мы у них в гостинице останавливались... – Ит говорил почти беззвучно.

– Да-да-да, помню, гостиница «Два дерева», – кивнул Скрипач. – Религиозная пара, мужчина, и гермо, которая...

– По сути, как я понимаю, это и есть халвкина. Тут – халвкина. Видимо, здесь такие обычаи, и такая идентификация гермо. И с этим лучше не шутить...

– Спи, – приказал Скрипач. – Отдыхай, тебе нужно поспать. Ты белый совсем, нельзя столько говорить.

– Ладно... плохо только... что холодно...

– Сейчас сделаю теплее, – пообещал Скрипач. – Чёртовы ветки, они прогорают быстрее, чем их успеваешь подкидывать.

Распорядок дня у Рифата был строгий, и соблюдать его требовалось неукоснительно. Нет, Рифат никогда не кричал, не ругался, просто он умел вести себя так, что пропадала всякая охота с ним спорить, или ему возражать. Подъем рано утром, первым делом следует заложить в печь, на тлеющие

угли, очередную порцию плавника, далее – обязательный ритуал «соблюдения чистоты», для которого Рифат уходил из дома, оставляя двоим халвквинам дом, после – варка утренней порции каши из неизменных зерен танели, потом – Ита оставляли одного, и отправлялись на сбор плавника, к морю. Месяц назад Рифат принес откуда-то старый, пыльный костюм, в котором полагалось ходить халвквинам, и при виде этого костюма Скрипач впал в оторопь, хорошо, что хотя бы догадался не подать вида. Первым следовало надевать длинное, в пол, широкое платье, далее на это платье надевался кардиган с капюшоном, подшитым на лбу широкой полосой ткани, а ещё к капюшону крепилась подвязка, закрывающее нижнюю часть лица, и оставляющую видимыми лишь глаза. Наряд этот больше всего напоминал паранджу, хотя и отличался от неё кроєм, и, наверное, при других обстоятельствах Скрипачу было бы что об этом наряде сказать, но сейчас он взял одежду, и ушел в дальний темный угол комнаты, где принялся переодеваться, шипя время от времени от боли в искалеченной руке.

– Дома маску можно не носить, – сказал Рифат. – Дома не нужно. В других местах без маски нельзя. Ты поняла?

Скрипач кивнул.

– Очень пыльная, – признался он. – Можно её постирать?

– Негде, холодно, – покачал головой Рифат. – Ничего, пыль выбьет ветер с моря. Она тёплая. Будет удобно работать.

– А как это называется? – спросил Ит. Он смотрел на Скрипача без тени улыбки, пристально и внимательно.

– Скиб, – ответил Рифат. – Неполный скиб. Полный – который с покрывалом. Этот без. Был только такой.

– А женщины тоже носят скиб? – спросил Ит.

– Разумеется, – пожал плечами Рифат. – Не голыми же они ходят? Итта, когда ты встанешь, ты тоже будешь носить скиб. Скоро надо будет пытаться.

– Хорошо, – кивнул Ит. – Я буду пытаться.

– Правильно, – одобрил Рифат. – Скиа, пойдем. Ночь будет холодная, надо собирать плавник, иначе мы замерзнем.

Одежду, которая была на них в тот день, когда встретили Рифата, разумеется, осмотрели, но одежда эта не говорила ни о чём. Ткань – дешевый синт, который мог быть произведен где угодно. В любом мире, от четвертого уровня, и выше. Модель бесшовная, по сути – отливка, которую может натянуть на себя человек, да и не человек тоже. Подходит для практически любого размера, и для любой расы. Серый неброский цвет, полное отсутствие какой бы то ни было маркировки. Одноразовые вещи, которые обычно носят сутки, ну, двое, а потом отправляют в утилизатор. Следов носки нет, значит, вещи новые.

– То есть нас сначала кто-то избил, потом на нас нацепили эти шмотки, и выкинули на тот берег, так? – рассуждал

Скрипач. – Кто и зачем?

– И когда, – добавил Ит. – Ничего не понятно. Вообще ничего.

Рифат снова куда-то ушел, и они остались на час, как минимум, предоставлены сами себе.

– Абсурд какой-то, – покачал головой Скрипач. – Рифат сказал, что нас таким образом пытались убить. Десант. Что за десант? Зачем им таким странным образом кого-то убивать? И как мы вообще оказались здесь?

– А так же – где это «здесь», – закончил за него Ит. – Ох, рыжий, что-то мне подсказывает, что мы сейчас очень далеко.

– Далеко – от чего именно? – спросил Скрипач.

– От мест, где мы бывали раньше, – Ит вздохнул. – Помнишь, Пятый выдал версию о том, что Слепой Стрелок работает по экстерриториальному принципу, в той же модели, что и Контроль Мадженты? Если это действительно так, то представить себе невозможно, где мы находимся в результате. Ты обратил внимание, насколько сильно искажен всеобщий, на котором вы говорили в первые дни?

– Обратил, – Скрипач нахмурился. – Сейчас я понимаю, что это он для нас искаженный. Мы его так слышим. А для Рифата это нормальная форма языка.

– Рифат знает всеобщий, – добавил Ит. – Пусть в этой форме, но знает. Тебя не смущает, что он, зная всеобщий, собирает плавник, чтобы топить им чугунную печку?

– Издеваешься? – спросил Скрипач. – Меня смущает вообще всё. И то, что мы остались живы, и Рифат, и плавник, и каша из танели, и десант, и этот проклятый скиб. Чихать от пыли, когда болит рука, больно, между прочим. А чихаю я в этой тряпке постоянно.

– Придется потерпеть, – Ит примирительно улыбнулся. – Помнишь? Терпение – главная добродетель. Вот и думай.

– Да я-то думаю, – Скрипач обреченно вздохнул. – Надо сварить кашу. И, замечу, это не очень удобно делать одной рукой.

– Рыжий, вот даже не знаю, что хуже – варить кашу одной рукой, или лежать, как бревно, два месяца кряду, – Ит вздохнул. – Бронхит ещё этот, будь он неладен. Кашлять тоже больно. Тебе чихать, мне кашлять.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Скрипач. – Я же так... в шутку сказал. Давай я тебя чуть повыше подниму, чтобы было лучше видно, и буду варить.

– Да, кашу мы заварили преизрядную, – кивнул Ит. – И, кажется, мы действительно продолжаем варить её дальше...

Глава 2. Четыре стены

На третий месяц всё-таки отважились. Рифат против попытки выбраться на улицу возражал категорически, но Скрипач заявил, что пока Ит находится в душной комнате, с вечно коптящей печкой, от бронхита он точно не избавится. Нужно на воздух. Пусть пока просто сидит у двери, если ходить не может. Так дальше нельзя. Потому что сегодня бронхит, а завтра, такими темпами, будет пневмония. Из которой Ит уже точно не выберется, потому что лечить нечем, да и диета из тандели выздоровлению не способствует.

Ходить Ит не мог, но, по мнению Скрипача, через месяц-другой, и с костылями – сможет. Левая нога, перелом на которой вправляли, вела себя неплохо, и её даже удалось немного разработать, а вот правая, увы, по словам Рифата, была «совсем плохая нога». Скрипач небезосновательно подозревал трансцервикальный перелом шейки бедра с последующим образованием костной мозоли, причем перелом этот был на фоне ряда других переломов, и... и шансов что-то сделать с «плохой ногой» в данных условиях не было никаких. Разве что подвязать веревочкой, чтобы не мешала во время ходьбы на костылях.

– Трындец, – констатировал Скрипач, когда Рифат в очередной раз куда-то ушел, и они остались одни. – Эта твоя нога полный трындец.

– Равно как и твоя рука, – покачал головой Ит. – Кстати, давай её сюда. Чёрт бы побрал эту контрактуру.

Контрактуру лучезапястного сустава они упустили, и сейчас Ит пытался изобрести некое подобие ортеза, используя для этого подходящий по размеру и форме кусок плавника и обрывок какой-то тряпки, чтобы вывести кисть хотя бы в подобие нормального положения. Было больно, но Скрипач терпел – ему сведенная кисть нравилась ещё меньше, чем Иту. Руку он прятал теперь под накидкой скиба, а то и под сам скиб. И приматывал к телу, особенно тогда, когда нужно было идти за плавником. Рука болела и тяготила, не давала нормально спать, и была, увы, совершенно бесполезна. Скрипач иногда думал, что лучше бы её вообще отнять, потому что культя так не мешает, не болит, да и ухаживать за ней в разы проще. Жил же он какое-то время без ноги? И без руки прожил бы. Наверное.

– Я хотя бы ходить могу, – вздохнул Скрипач. – А вот ты...

– Ты обещал смотаться в лес, и поискать палки для костылей, – напомнил Ит. – И давай ещё раз выйдем на улицу. Пожалуйста.

– Ну, нет, это только с Рифатом, – возразил Скрипач. – Я тебя одной рукой обратно не затащу, если ты снова в обморок грохнешься.

– Не грохнусь, – пообещал Ит.

– Сказал же, нет, – строго произнес Скрипач. – Мне первого раза хватило.

Первый раз действительно получился не очень – на улице Ит через минуту потерял сознание, и пришлось волоочь его внутрь в три руки, а потом час приводить в себя. Отвык. От неба отвык, от воздуха, от пространства. И от холода. Сейчас зима, объяснил Рифат. Ещё три месяца будет зима, она здесь долгая. Весной будет лучше. Дожить бы ещё до той весны, подумалось тогда Скрипачу, и не сдохнуть в процессе – от болезней, от недоедания, или от ещё чего-то, о чём они пока даже представления не имеют. Добиться от Рифата ответа про десант так и не получилось. И про мир не получилось. Разве что про зиму, и про то, что туннели нужно экономить, потому что туннели у него, Рифата, только на одного, а их теперь тут трое. Может быть, рыбу можно добыть? спросил Скрипач, но Рифат ответил, что нет, зима, ушла рыба. И ацха ушла, и птицы улетели. Еду брать негде. А если купить? Нельзя купить, река, ответил Рифат. Что – река? Скрипач не понимал. Зимой река разливается, в горах дожди. Нет перехода, нет дороги. Поэтому, Скиа, собирай плавник. И не задавай ненужные вопросы.

Больше всего изматывал холод, от которого, кажется, вообще не было никакого спасения. Даже в комнате с печью, и то было по-настоящему тепло только у самой печи, а там, где стояли скамьи, на которых полагалось спать, становилось уже прохладно. Попытки лечь рядом на одну скамью, чтобы согреться, тут же пресекал Рифат, который говорил, что это непристойно, и так спать не разрешается. Холодно? И что с

того? Лучше терпеть холод, чем позор.

Самым удивительным было то, что Рифат ни о чём их больше не спрашивал. Кажется, его удовлетворили самые первые ответы, и теперь он никакого интереса к личностям своих постояльцев не проявлял. Ни кто они такие, ни откуда – его ничего не интересовало. О себе, впрочем, он тоже не говорил и не рассказывал.

– Очень странный дом, – заметил однажды Ит, когда они выползли кое-как на улицу, и Скрипач помог ему сесть на шаткую лавку, прислоненную к стене. – Рыжий, у него очень странный дом, тебе не кажется?

– Ещё как кажется, – кивнул Скрипач. – Я тут побродил немного вокруг, до сих пор в недоумении.

– Почему? – не понял Ит.

– Ты обратил внимание, что в доме нет ни одного окна, а сам дом – по сути, одна-единственная комната? – спросил Скрипач. Ит кивнул. – Вот и я сначала не понял. Видишь, там, за домом, кусты?

– Отсюда не вижу, – покачал головой Ит.

– Да вон, из-за угла торчат, – указал Скрипач. – Кустов нет только спереди, где вход, где мы сейчас сидим. За домом, дальше, непролазные заросли. И это сейчас, когда листьев нет. А летом там вообще зеленая стена получится.

– Так, – Ит с интересом посмотрел на Скрипача. – И какой

вывод?

– Погоди. Руки у меня, конечно, считай, что и нет, но зато есть ноги, – Скрипач хмыкнул. – Пока его не было, а ты дрых, я эти кусты обошел, и мысленно нарисовал границы зарослей. У меня получился здоровенный такой прямоугольник, с выступами в нескольких местах. Я взял палочку, и немножко покопался в листьях. Знаешь, что я нашел?

– Ну?..

– Куски обработанного камня, и обломки кирпича из белой и голубой глины, – сказал Скрипач. – Именно из такого кирпича в доме внутренние стены. А внешняя, у которой ты сейчас сидишь, выложена обработанным камнем. Ага-ага, правильно. Доходит?

– Ты хочешь сказать, что это дом – на самом деле комната, которая осталась от большого дома? – с удивлением спросил Ит.

– Именно, – улыбнулся Скрипач. – Это кусок дома, так и есть. Большого дома. Стенка, у которой печка стоит, новодел, сложена из всего подряд. Он, наверное, сам её и сложил. Стенка, рядом с которой мы сейчас сидим, старая. Внутренние... внизу они старые, сверху тоже новые. Тоже из всего подряд. Крыша – сам видишь. Снизу доски и сено, сверху дранка. Наверное, он сам её сделал.

Ит задумался. С трудом повернулся, провел рукой по стене. Часть камней, к которым сейчас прикасалась его ладонь, была шершавой, но попадались и гладкие, явно обработан-

ные очень хорошо.

– Интересно, – сказал он. – У тебя есть какие-то версии?

– Пока нет, – покачал головой Скрипач. – Ничего толкового. Тут, неподалеку, есть ручей. Сдается мне, что Рифат сюда откуда-то пришел, увидел, что вода рядом, до неё метров двадцать, и что есть часть стен. Восстановил, стал жить. Тут явно что-то случилось, и отнюдь не хорошее, – добавил он.

– И к этому нехорошему мог приложить руку Слепой Стрелок, – тихо произнес Ит.

– То есть? – нахмурился Скрипач.

– Смотри, – Ит сел поудобнее, опершись о стену. – Пока что чисто гипотетически. Система каким-то образом включила нас в себя. В каком качестве – можно догадаться, но... Мы – на самом деле не её объект, да и по событиям она уже успела уйти на полторы сотни лет вперед. Мы находились в условной второй точке, в мире, где были наблюдатели. Верно?

– Допустим, – кивнул Скрипач. – То есть ты хочешь сказать, что это третья точка? Мы не видели первую, и попали сразу в третью?

– Совсем не факт, – покачал головой Ит. – Это может быть и первая точка тоже. Или – это может быть промежуточный этап перед третьей точкой. Или что-то ещё, что существовало в том варианте сигнатуры, который мы начали изучать. Пока что можно сказать с уверенностью только одно: это ме-

сто является частью рабочей схемы модели, в которой существовали виденные нами наблюдатели и принцессы. Это всё.

– Негусто, – вздохнул Скрипач. – Но, в общем и целом, согласен. Как по мне, так это больше похоже на промежуточный этап. Один Рифат чего стоит.

– Он очень закрытый, – заметил Ит. – Совсем закрытый. И что-то мне подсказывает, что открываться перед нами он не будет. Но есть и хороший момент.

– Какой?

– Нас открываться он тоже не заставляет. И при этом кормит, держит в тепле, и даже одежду откуда-то притащил. Хотя, конечно, скиб – это тема для отдельного исследования.

– Не напоминай, – попросил Скрипач. – Господи, я согласен расстаться с этой проклятой рукой, и со скибом в придачу – в обмен на джинсы. На самые обычные, чтоб их так, джинсы...

Когда Ит начал подниматься и стал бывать на улице, Рифат притащил откуда-то второй скиб, ещё более пыльный, чем тот, что достался Скрипачу, и другого цвета. Первый был болотно-зеленый, второй – оказался темно-серым, почти чёрным. На его накидке имелось несколько прорех, Ит сказал, что можно было бы починить, но Рифат запретил, мол, не надо, к тому же у него нет ничего для шитья. Ну, нет, так нет, пожал плечами Ит, главное, что скиб теплый, мож-

но выбираться на улицу, и быть там подольше, даже когда холодно. Вот именно, согласился тогда Рифат, ты правильно всё сказала, Итта, ты умница.

Хвалил он редко. Да и говорил что-то сверх того, что требовалось в быту, тоже. Вечерами, когда все они находились в доме, Рифат либо делал что-то, например, перебирал зерна тани, чистил котелок, плел пеньковые веревки, которые использовали для подвязки обуви, либо просто ложился на свою скамейку, укрывался с головой куском плотной шерстяной ткани, и тут же засыпал. К слову сказать, это был тот же самый кусок, который Рифат принес на берег в тот день, когда подобрал Ита и Скрипача.

– Интересно, где он берет это всё? – спросил как-то Ит. – У него же не было. Но ведь откуда-то он взял и два покрывала, и подушки эти, и скибы...

– Может, у него где-нибудь в лесу склад? – предположил Скрипач. – И он оттуда потихоньку таскает что-то сюда? По мере необходимости.

– Угу, и склад у него там же, где он бывает днём, – заметил Ит. – Вот куда он уходит? Вы утром собрали плавник, он тебе дал задания, и свалил в неизвестность. И так каждый день, между прочим.

– У меня есть подозрение, что ходит он к той тетке, которая приходила в первую ночь, – сказал Скрипач. – Я же тебе говорил, помнишь? Она пришла сюда, приговорила тебя, сказав, что ты в скором времени помрешь, попросила её

не впутывать, и принесла эти самые корешки, снотворное. Корешкам и тётке большое спасибо, конечно, без них ты бы точно первый период не выдержал, но... ммм... здесь она больше не появлялась.

– Когда она второй раз приходила, ты её не видел? – с интересом спросил Ит.

– Проспал, – с сожалением ответил Скрипач. – Мне, знаешь ли, тоже было не очень хорошо. Точнее, очень нехорошо. Я её не видел. По голосу вроде бы тоже старая, как Рифат, но точно не скажу. От того, что Рифат нас притащил к себе, она была не в восторге. Согласилась прийти, чтобы похоронить.

– Меня? – Ит нахмурился.

– А кого? – усмехнулся Скрипач. – Тебя, разумеется. Вообще, если честно, я только сейчас... как бы сказать... у меня всё это время словно какой-то ступор был. Да и у тебя, кажется, тоже. Всё, как сквозь вату. Весь мир – через вату, понимаешь? Оглушение какое-то. Отупение. Ит, я же эти стены и этот дом, так называемый, только неделю назад обследовать начал. А до этого ходил, как зомби, хвостиком за Рифатом, и плавник собирал. Молча. Потому что он не любит, когда говорят во время работы. Понимаешь?

Ит внимательно посмотрел на Скрипача, а затем медленно кивнул.

– У меня то же самое, – признался он. – Вата, это ты верно подметил. Даже мышцы, и те как вата. Их просто нет. Когда

лежал, и когда ты мне помогал подниматься, ты руку подставлял, чтобы можно было подтянуться, а я не мог. Вообще, понимаешь? Даже в молодости, когда я только по утрам трусцой бегал, у меня такого не было. Даже после комы на Терре-ноль. Хорошо, что хотя бы отёки прошли.

– Ага, и мы теперь худые, как жерди, – вздохнул Скрипач. – Мы с тобой сейчас на Пятого и Лина стали похожи, когда они на третьем предприятии жили. Но даже у них с мышцами дела обстояли получше, согласись.

– Соглашусь, – Ит задумался. – Слушай, есть у меня одна мысль на этот счет, но подтвердить невозможно. Да и вывод пугает.

– Это ты о чём? – не понял Скрипач.

– Такое могло получиться, если нас очень долго держали в гибере, – сказал Ит. – Но я не знаю, сколько нужно живое существо так держать, чтобы получилось вот такое.

– Ммм... нет, – покачал головой Скрипач. – В гибере мышцы так деградировать не могут. Что-то ещё, наверное. Мы не знаем, что с нами делали. И зачем. И кто. И... чёрт, так, ладно. Не надо сейчас про это. Давай лучше про дом.

– Давай, – с облегчением согласился Ит. – У меня, кстати, появилась ещё одна версия.

– Выкладывай, – приказал Скрипач.

– Рифат мог здесь жить до некоторых событий. Не факт, что в этом доме, но неподалеку, то есть про дом он знал. Потом случилось... что-то. Если принять во внимание Слепо-

го Стрелка, то произойти могло что угодно, но Рифат по какой-то причине вернулся в этот дом, и в нём поселился. Не исключено, что из-за того, что идти ему просто больше некуда. Да и подруга поблизости живет, ещё один повод остаться.

– Логично, – покачивал Скрипач. – Вполне может быть. А чем эта версия принципиально отличается от моей?

– Я не закончил, погоди, – попросил Ит. – Так вот. Давай попробуем выяснить, не может ли каким-то образом Рифат являться кем-то, кто имеет отношение к сигнатуре, в которой мы находимся? Вспомни Пятого и Лина. Среди тех, с кем они общались, не было никого случайного. Допустим, мы идем по пути, предназначенном для той пары... которой на самом деле нет. Может эта встреча что-то для них значить? Не для нас, рыжий. Для них.

– Вот даже как, – покачал головой Скрипач. – Если честно, чёрт его знает, Ит. Может, не исключено. Точнее, эта встреча значила бы что-то для них – но не сейчас, а сто пятьдесят лет назад. Тогда, когда мы вошли в систему, и сигнатура стала отрабатывать поток событий, который...

– Э, нет, – покачал головой Ит. – Не так, рыжий. Вовсе не так. Мы не знаем, сколько прошло времени с тех пор, как мы оказались в локации Киую, и попали неизвестно куда. Но если судить по общему состоянию, мы могли находиться... где-то, знать бы, где... и год, и два, и три. Или даже больше. Я ставлю лет на пять, как минимум, если согласиться с версией, что причина деградации – не гибер. Подходящий

срок для превращения организма в кисель, которым он сейчас является. И твой организм, и мой. А травмы – это уже так, довесочек. Они свежие. Ну, те, которые превратили нас в калек. Есть и старые, ты же заметил?

– Заметил, заметил, но это так, хрень какая-то. Мелкие ожоги, порезы. Фигня. Не смертельно уж точно.

– Да, не смертельно, – согласился Ит. – Но кому, и зачем понадобилось делать это с нами? А ещё мы не помним. Ничего. Вообще. И меня это смущает, думаю, тебя тоже.

– Нет, Ит. Слово «смущает» тут немного не подходит, – мрачно ответил Скрипач. – Я в ужасе. И больше всего меня пугает то, что могло что-то случиться с семьёй. Даже думать пока про это не хочу. Страшно.

Ит в ответ промолчал. Отвернулся, принялся смотреть на старую каменную стену. Снова провёл по ней рукой.

– Так что там было, за домом? Ну, когда ты ковырялся палочкой в листве? – спросил он. Скрипач с облегчением вздохнул, и ответил:

– Обломки, довольно мелкие. Хочешь, покажу?

– Давай, – оживился Ит. – Тащи сюда. Рифат ещё нескоро вернется, солнце пока что высоко.

Время они научились определять довольно точно, особенно в ясную, как сегодня, погоду. Да, холодно, небольшой минус, но зато ветра почти нет, и на улице запросто можно просидеть полчаса, а то и больше. Хороший день. Тихий. Лес – здесь он лиственный, и потому облетевший – стоит

неподвижно, воздух чистый, моря не слышно. Так, едва-едва. Молчит море. Молчит, и, кажется, чего-то ждёт.

Скрипач ушёл за угол дома, и через некоторое время вернулся с обломками, которые он сложил в уголок накидки, и придерживал правой рукой.

– Вот, – с гордостью произнес он. – Давай смотреть.

На первый взгляд обломки ничего интересного собой не представляли – два кусочка кирпича, и обтесанный с одной стороны камушек. Однако Ит, когда присмотрелся, обнаружил, что на поверхности кирпича присутствует какое-то едва заметно поблескивающее включение, и задумался.

– Похоже на слюду, – заметил он. – Видишь, блестит?

– Точно, – кивнул Скрипач. – А ну-ка дай...

Поблескивающие следы удалось обнаружить и на обоих кирпичах, и на камушке. Ит послал Скрипача за дом ещё раз, и в этот раз тот принес горсть земли, взятой под камнями – да, там тоже нашлись точно такие же блестящие кусочки.

– Чем это может быть? – спросил Скрипач. – Откуда тут эти штуки?

– Знаешь, мне кажется, это могла быть облицовка, – предположил Ит. – Штукатурка, в которую для красоты добавлена слюда. Вот только теперь вся эта штукатурка там, в земле. Вместе со стенами.

Скрипач покивал, задумался.

– Наверное, красивый был дом, – предположил он. – И здоровенный. Как-то не сходится, тебе не кажется?

– Что с чем не сходится? – не понял Ит.

– Рифат, и такой дом. Если брать тип личности Рифата, то получается абсурд. Он одиночка, даже наше общество ему в тягость. А такой дом – это всегда большая семья, это дети, это шум, гам, в общем, ты понял. Он бы дня в подобной обстановке не выдержал, – объяснил Скрипач.

– Отчасти верно, – согласился Ит. – Характер у него действительно специфический. Но он мог измениться, согласись. Фэб после гибели Гиры тоже долго отходил, и, не смотря на то, что Фэб тоже тот ещё единоличник, и очень спокойный, против большой семьи он никогда ничего не имел.

– Ну, Фэб – это другое, – покачал головой Скрипач. – Сам подумай. В такой ситуации Фэб в лепешку бы расшибся, но обеспечил тех, кто попал в зону его ответственности, всем, что необходимо. А Рифат просто пустил всё на самотёк. Ну, оказались у него в этом его огрызке дома две халвк-вины. Причём больные. Лечил? Нет. Заботился? Минимально. Разрешил быть в тепле, и пожрать дал. На этом всё. Помирай, как хочешь.

– Одежду где-то добыл, – напомнил Ит. – И прочитал мораль о приличном поведении. Теперь точно всё.

– Вот, – наставительно произнес Скрипач. – Какой там Фэб, я тебя умоляю. Он какой-то совсем отрешенный, Рифат. Ему абсолютно всё равно.

– Ну, это да, – согласился Ит. – Будем смотреть дальше. Всё равно ничего другого пока что не остается. Ходить я не

могу, и мы с тобой привязаны к этому месту. Рыжий, очень прошу, найди что-то, из чего можно сделать костыли. Ну невозможно так...

С костылями получилось сложно и долго, потому что нож у Рифата был всего один, и давать его Скрипачу он отказался категорически. Куда тебе одной рукой, говорил он. Сломашь или потеряешь. Сходим вместе, когда будет подходящее время. А подходящего времени всё никак не получалось, потому что трое суток Рифат пропадал где-то, возвращаясь только ночевать, а потом случилась буря с ураганным ветром, которая принесла с собой огромный дождевой фронт, и дождь шел в результате почти неделю. Даже за плавником сходить не удалось, и, когда плавник кончился, они сидели почти двое суток голодные, в холоде, кутаясь в рифатову рванину. Так что к моменту, когда время, наконец, стало подходящим – по мнению Рифата, разумеется – Скрипач был обозлен до крайности, и раздосадован. В том, что он справился бы с ножом, и срубил бы нужные ветки в одиночку, он не сомневался. С чем там справляться? По мнению Скрипача, Рифат устроил это всё им назло, и непонятно, с какой целью.

Но всё же, в конце концов, в лес они выбрались, и тут у Скрипача случился очередной когнитивный диссонанс – в лесу, на земле, валялись в огромном количестве сучья и вет-

ви, из которых получились бы вполне приличные дрова. На кой чёрт собирать плавник? До леса десять минут хода, а гореть нормальная древесина будет в разы лучше.

– Рифат, давай возьмем несколько веток? – предложил Скрипач. – Они гореть будут хорошо. Сухие, и вон их тут сколько.

– Не трогай, – резко произнес в ответ Рифат. – Это не для меня. Не моё. Это нельзя брать, ты поняла?

– А чьё это? – удивился Скрипач. – Рифат, это же просто сухие ветки, которые валяются на земле...

– Не твоё дело, чьё это, – Рифат отвернулся. – Сказано: не прикасайся к этим веткам. Они не для нас.

– Бред какой-то, – зло сказал Скрипач. – Это всего лишь ветки. Никто бы даже не заметил, если бы мы унесли несколько штук.

– Я бы заметил, – отрезал Рифат. – Мы пришли сюда, чтобы найти молодые деревья для костылей. Давай искать. А к дровам даже не прикасайся, Скиа. Тебя что, родители не научили, что брать чужое плохо?

– Научили, – Скрипач отвернулся. – Но так же они научили меня, что если хочешь выжить, можно иной раз преступить закон.

– Вот ты сама и ответила на свой же вопрос. «Преступить закон», – процитировал Рифат. – То есть стать преступницей. Может быть, если бы мы умирали от холода, я бы и позволил тебе совершить преступление. Но... Скажи, Скиа, мы

сейчас умираем от холода? Итта умирает от холода? Нет. Ты прекрасно знаешь, что нет. Поэтому нам вполне хватит плавника. Ты всё поняла? Умница. А теперь пойдем искать деревья.

– Деревья, значит, брать можно, – покачал головой Скрипач.

– Потому что они – не дрова, – пожал плечами Рифат. – Идём.

Костыли получились так себе, и немудрено – ведь делали их без инструмента, используя при этом материал, для этой задачи не очень-то и подходящий. Скрипач провозился целый день, пытаясь изобразить из двух молодых стволиков что-то получше, но всё равно, упоры для кистей рук получились разными по высоте, а ткань, которую Скрипач попытался закрепить на верхних упорах, то и дело норовила сползти. В хозяйстве Рифата не имелось тонких веревок, те, кто он плёл сам, были для такой задачи слишком толстыми и грубыми. Когда Ит попытался встать на получившееся подобие костылей, выяснились ещё обстоятельства, которые тут же превратились в проблемы.

– Нога мешает, – сказал Ит, когда с третьей попытки всё-таки поднялся, и встал на костыли рядом со скамьей. – Не смогу ходить, она будет волочиться по полу.

– Значит, надо чем-то подвязать, – предложил Скрипач. –

Стоять больно?

– Больно, – кивнул Ит. – Но это ладно, потерплю. Не знаю, смогу ли я удержать равновесие...

– Привыкнешь, – заметил Рифат. – Это сейчас сложно, потом станет проще.

– Возможно, – кивнул Ит. Стоять было действительно трудно, мало того, правая нога упиралась сейчас в пол, и служила ещё одним источником боли, в дополнение к боли в руках, и в левой ноге. – Плохо, что я ничего не вижу. Скиб не дает видеть.

– Опять же, нужно привыкнуть, – развел руками Рифат. – Ты ведь не хочешь сказать, что ты недовольна скибом, и желаешь носить штаны? Так?

– А что плохого в штанах? – спросил Скрипач. Он стоял сейчас рядом с Итом, придерживая его под правую руку. – Это гораздо удобнее.

– А ещё удобнее ходить голыми, – хмыкнул Рифат. – И лазить по деревьям. Разве нет? Наверное, очень хорошо быть сипом. Иметь теплую шубку, и греться у хозяина на руках. Это очень, очень удобно. Можно ни о чём не думать. Никакой морали, никаких обязательств... Ладно. Попробуй пройтись, – предложил он.

– Сперва надо ногу подвязать, – Скрипач помог Иту сесть. – Нельзя так ходить, – объяснил он Рифату. – Не получится. Есть какая-нибудь ткань, которую можно использовать?

– От покрывала оторви полоску, – разрешил Рифат. – И привяжи ногу. Только сперва я выйду, подожди.

– ...Моралист хренов, – ворчал Скрипач, неловко орудуя одной рукой – оторвать полоску оказалось сложной задачей. – Так. Давай сделаем что-то типа пояса, и петлю. Под коленку.

– Выскользнет, – покачал головой Ит. – Чёрт, тяжело очень.

– Стоять тяжело было? – спросил Скрипач.

– Ну да. А ещё будет вес ноги, которую придется таскать. Рыжий, не факт, что я справлюсь. Сил нет, – признался Ит. – Две минуты простоял, и руки трясутся. Ладно, прорвемся. Помоги протащить тряпку за спиной, не дотянусь... ага, спасибо. Сейчас привяжу.

– С ногой что-нибудь придумаем, – пообещал Скрипач. – Пока так, дальше посмотрим. Уставать будешь меньше, если тренироваться. На счет того, что обе тушки, как кисель – это ты был прав. Я себя тоже киселём чувствую. Даже плавник собирать тяжело.

– Верю, – кивнул Ит. – Так, давай пробовать. И позови Рифата, на всякий случай. Пусть подстрахует.

На счет страховки Ит не ошибся – при попытке сделать шаг он тут же полетел на пол, и если бы не Скрипач с Рифатом, добром этот полет бы не кончился. Сделали передышку, потом Ит встал, и попробовал сделать шаг снова, но в этот раз помешала юбка скиба, правда, Ит не упал, он сумел,

пусть и неуклюже, сесть обратно на скамью.

– Нереально, – произнес он, тяжело дыша. – Не справлюсь. Это невозможно...

– Настойчивость нужна, – негромко произнес Рифат. – Что-то ты рано сдалась. Пробуй ещё.

– Хорошо, отдышусь только, – кивнул Ит. – Скиа, может быть, можно как-то подвязать юбку повыше? – спросил он. – Я на неё наступаю, в руках костыли, поправить не могу.

– Может, пояс придумать? Ещё один? – предложил Скрипач. – Сейчас, от своего покрывала отдеру кусок... Рифат, помоги, пожалуйста, – попросил он. – Очень неудобно одной рукой.

Третья попытка, наконец, увенчалась успехом – Ит, пусть и с трудом, сумел пройти несколько шагов, до скамьи Скрипача, и сел. Руки тряслись от напряжения, и, не смотря на то, что в доме было прохладно, ему стало жарко, и на лбу выступила испарина.

– Молодец, – похвалил Рифат. – Теперь обратно.

– погоди, – попросил Ит. – Пусть хоть руки дрожать перестанут.

– Ты очень долго лежала, а потом мы тебя носили, – пожал плечами Рифат. – Конечно, сейчас придется нелегко.

Скрипач, который до этого момента молчал, всё-таки не выдержал.

– Получилось бы лучше, если бы можно было есть ещё что-то, кроме танели, – сказал он. – И топить печь дровами,

а не плавником.

– Вы едите то же самое, что я, – отрезал Рифат. – И живете так же, как я. Невозможно поделитья тем, чего нет. Я поступил с вами честно, по совести. Хотя мог оставить там, у воды. Ты забыла про это, Скиа? В чем ты меня упрекаешь сейчас? Что я недостаточно делюсь? Хорошо, я могу отдать вам свою кашу, которую сварил на ужин. Всю. Ты этого хочешь?

– Оставь её себе, – Скрипач отвернулся. – Я вообще не хочу есть, раз уж на то пошло. Уже наелся ветром с моря, когда плавник собирали, вместо нормальных дров.

– Наелась, – поправил автоматически Рифат. – Итта, иди на свою скамью. Ты уже отдышалась. Скиа, ложись спать. Нам больше не о чем говорить сегодня. Сказано более чем достаточно.

– Вот это точно, – кивнул Скрипач. – Конечно, конечно, всё будет так, как ты говоришь, Рифат. Особенно с учетом того, что деваться нам некуда.

– Научится ходить, идите на все четыре стороны, – Рифат отвернулся. – Я никого не держу.

– Довольно, – попросил Ит. – Не надо ругаться. От ругани у нас танели не прибавится. И теплее не станет. Рифат, прости её, пожалуйста, – попросил он. – Она просто вспылывающая. Это не со зла.

– Да, не со зла, – согласился Рифат. – Это от горечи.

– От горечи? – не понял Ит. – Может, от горя?

- Нет, именно что от горечи, – покачал головой Рифат. – Жизнь горькая. Так тоже бывает.
- Да, бывает, – согласился Ит. – К сожалению.

Глава 3. Лийга

– До сих пор не пойму, зачем ты на него тогда наехал, – с упреком сказал Ит. – Рыжий, не надо было. Он ведь действительно сам живет точно так же. Мёрзнет, как мы, ест, как мы, спит, как мы.

– Только он здоров, а мы, мягко говоря, не очень, – напомнил Скрипач. – Хотя он же старый, и ему не легче, наверное... Знаешь, какая мысль у меня появилась, когда ты в первый раз встал, и едва не грохнулся? Что ты сейчас заново сломаешь ногу, и она уже больше не срастется. Вообще. И тогда нам точно кранты.

– Нам так и так кранты, – напомнил Ит. – Мы неизвестно где. Не знаем, что с нами случилось. Понятия не имеем, можно ли вообще отсюда выбраться. И сил, чтобы выбираться, нет ни у тебя, ни у меня. Рифат, как ты уже успел заметить, рассказывать нам ничего не собирается. Где брать информацию, непонятно. А он теперь на нас злится, и точно ничего говорить не станет. Зря ты это сделал. Надо было сдержаться.

– Ну, это да, – уныло отозвался Скрипач. – Что-то на меня нашло в тот момент. Ладно, давай решать насущные проблемы. Попробуй дойти до угла.

– Сейчас. Лавку туда переставь, – Ит встал, уже привычно опираясь на костыли. – Не торопись, а то опять себе на ногу её уронишь... эй, куда потащил, я не дойду так далеко.

Поставь ближе.

– Обойдешься, – отрезал Скрипач. – Давай-давай, двигай. Сам же хотел тренироваться.

С того памятного разговора прошло уже десять дней, и сейчас становилось понятно, что Рифат, кажется, обиделся всерьез. Он и раньше был отстранен и холоден, но эти десять дней превратились в форменную пытку, потому что Рифат, вопреки логике и здравому смыслу, сумел стать ещё более отстраненным и холодным, чем раньше. За сутки они перекидывались парой фраз, максимум, да и то лишь по необходимости, а ещё Рифат стал уходить почти на весь день, он пропадал с самого утра, и возвращался лишь под вечер. Они целыми днями в результате сидели в холодном доме, экономя плавник, и оба, не сговариваясь, стали меньше есть – потому что ощущали молчаливый упрек Рифата, который, конечно, вслух ничего не произносил, но не заметить этого упрека было невозможно. Выбирались на улицу они только в хорошую погоду, когда не было дождя, Ит пробовал тренироваться ходить, но пока что особых успехов не было. Сказывалось постоянное недоедание и постоянный холод, да и бронхит не давал о себе забыть. Долгих прогулок поэтому не получалось. Полчаса на улице, из этого получаса минут десять ходьбы, а остальное время – вынужденный отдых.

– К тетке этой он ходит, – уверенно сказал Скрипач после очередного утреннего исчезновения Рифата. – Сто процентов. Она живет где-то поблизости, точно говорю.

– Не сомневаюсь, – покивал Ит. – Когда он возвращается, от него довольно странно пахнет, заметил?

– Угу. Травами какими-то, и дымом, – согласился Скрипач. – У неё, небось, сидит. Где ещё. Так, отдохнул? Куда дальше идти планируешь?

– Надо попробовать добраться до деревьев. Там же есть тропинка? – спросил Ит.

– Есть, он по этой тропинке и уходит, – подтвердил Скрипач. – Хочешь туда прогуляться?

– Благодарю покорно, – невесело усмехнулся Ит. – Мне бы до деревьев дойти, и то было бы хорошо. Но что-то я сильно сомневаюсь, что у меня это получится.

Через трое суток, однако, до тропинки пришлось дойти, и не только до неё. Причиной тому послужили обстоятельства, а точнее – не самое приятное происшествие, которое случилось ночью. Несколько дней подряд с моря шёл сильный ветер, который наваливался на берег, и в какой-то момент крыша Рифатова дома не выдержала. Ночью очередной порыв сорвал дранку с угла, и разметал подложенную под неё траву. В результате в крыше образовалась изрядных размеров прореха, которую, конечно, следовало починить. Вот только Рифата, к удивлению Ита и Скрипача, озаботила в этой ситуации отнюдь не крыша, а совершенно другое обстоятельство. Утром, когда они выбрались втроем наружу, чтобы рассмот-

реть получше размеры бедствия, Рифат сказал следующее:

– Вы мне обе не помощницы. Крышу сделать надо, я сделаю. Вам придется пойти к Лийге, и помочь ей, это вы сумеете. А здесь я сам справлюсь.

– Куда пойти? – удивился Скрипач.

– К Лийге, – повторил Рифат. – Я ей помогаю работать, понятно? Сегодня придется помогать вам. Это не сложно, она объяснит, что делать. Одна она не успеет, работы много. А крышу, кроме меня, починить некому. Зима, нельзя без крыши. К сожалению, – добавил он.

– Далеко идти? – спросил с тревогой Ит.

– Не очень, – Рифат задумался. – Полчаса, наверное. Быстрее у вас не получится. Придётся, она вам скажет, что делать. Скажите ей, что крышу сорвало, и я вместо себя вас прислал. Понятно?

– Да, понятно, – кивнул Скрипач. – А что там...

– Там мастерская, – ответил Рифат. – Нельзя работу останавливать. Я же сказал, она всё объяснит, – добавил он с неприязнью. – Идите.

– А мы точно дойдем? – Ит нахмурился.

– А куда вы денетесь? – прищурился Рифат. – Хватит себя жалеть.

– Можно хотя бы лавку тогда взять? – спросил Скрипач.

– Нет, – отрезал Рифат. – Лавка мне понадобится здесь. Идите.

– Может, он прав? – Ит стоял у дерева, тяжело дыша, а Скрипач терпеливо ждал, когда Ит отдохнет, и можно будет двигаться дальше. – Нормально же идём, согласись. Кажется, я слегка приноровился, неплохо получается.

– Угу, очень неплохо, – Скрипач саркастически усмехнулся. – Лучше некуда. Мы уже все деревья в этом лесу пересчитали. Потому что ты каждые десять шагов...

– Так, идём, – сказал Ит. – В лесу ещё немало несчитанных деревьев.

– Вот в этом ты прав, – кивнул Скрипач. – Поползли к следующему.

В лесу, как им показалось, было холоднее, чем во дворе дома Рифата, да еще и влажность давала о себе знать. Ветер деревья слегка сдерживали, но промозглый зимний лес являлся местом крайне неприветливым. Через какое-то время, впрочем, пейзаж слегка изменился – тропинка запетляла по склону, стало суше, и буквально через несколько минут они вышли на поляну, в центре которой стоял низкий приземистый каменный дом в один этаж.

– Пришли, ну надо же, – обрадовано сказал Скрипач. – Мы молодцы.

– Ага, – отозвался Ит. – Сейчас передохнем чуть-чуть, и дойдем уже окончательно. Слушай, а дом-то побольше, чем у Рифата.

– Побольше? Да он больше в несколько раз, – сказал в от-

вет Скрипач. – Неплохо тётя устроилась. Это точно не развалины, просто обычный дом.

– Ну, на счет обычного я бы поспорил, но не развалины – да, – кивнул Ит. – И дымом пахнет.

– Обычный – в смысле, что с ним ничего не случилось, в отличие от дома, в котором живет Рифат, – уточнил Скрипач. – На самом деле это не жилой дом, это действительно что-то типа мастерской, кажется...

– Рыжий, пойдем, – взмолился Ит. – Может, там хотя бы посидеть будет можно.

– Устал? – спросил Скрипач.

– А ты как думаешь? Идём, говорю, если не дойдем сейчас, я тут сяду, и фиг с два ты меня обратно поднимешь, – Ит поудобнее пристроил правый костыль, и медленно пошел в сторону дома. – А нам ещё работать предстоит, если ты не забыл.

– Не забыл, – вздохнул Скрипач.

Он запахнул накидку скиба, и медленно пошел следом за Итом, бредущим через серую, словно пеплом посыпанную, полянку, по едва заметной тропинке, ведущей к низкому каменному крыльцу.

– Ого, – с веселым изумлением сказала женщина. – И как это понимать? Зачем вы здесь?

– Нас Рифат прислал, – объяснил Скрипач. – Там у него

крышу сорвало, сказал, что будет чинить, а нас отправил сюда. Вы ведь Лийга, верно?

– Верно, – кивнула она, продолжая рассматривать их. – Да, ну и дела. Предположим, крышу у Рифата сорвало довольно давно, иначе бы ему не пришлось в голову присылать вас, – она кашлянула. – Но... ладно. Проходите, не стойте у двери. Надо закрыть полог, на улице сегодня очень холодно.

Она была старая, эта женщина рауф, и сильно отличалась от других пожилых женщин этой расы, которых Ит и Скрипач знали раньше. Во-первых, Лийга была худой, даже нет, не худой – поджарой. Обычно женщины в годах полнеют, это физиологически обусловлено для рауф, делают дело многочисленные роды и гормоны, это как раз норма, но Лийга в эту норму точно не входила. Во-вторых, для женщины рауф у неё был немаленький рост, почти метр шестьдесят, и это тоже было странно, потому что редко когда женщины вырастают выше метра пятидесяти. В-третьих, Лийга была одета в скиб, но скиб этот отличался от тех, которые Рифат принес Иту и Скрипачу настолько, насколько отличается бальный наряд от мешка из-под картошки. Само платье оказалось светло-серым, словно выбеленным, кардиган – бежево-коричневый, а капюшон, как вскоре стало понятно, был вообще отстегнут, и висел на вешалке у двери, рядом с теплым плащом с широкими рукавами, подбитым мехом вельша. Ничего себе, подумал Скрипач, хорошо, однако, устроилась отшельница, видимо, дела у неё обстоят недурно, ес-

ли судить по качеству одежды и украшений. На шее у Лийги он уже заметил две цепи, кажется, серебряных, а еще у неё были кольца на пальцах, а на запястье висел браслет с бирюзовыми вставками. Волосы, почти полностью седые, собраны в три косы, широкую верхнюю, и две небольшие боковые. И застёжки на косах тоже серебряные. Надо же.

Ит в это время на Лийгу почти не смотрел, он стоял у стены, и осознавал одно: здесь, в этом доме, или, если угодно, в мастерской, было тепло, даже нет, не так, тут было ТЕПЛО, и от этого тепла у него почти сразу закружилась голова – пришлось прислониться спиной к стене, чтобы как-то удерживать равновесие.

– То есть он вас прислал, чтобы вы поработали вместо него? – с интересом спросила Лийга.

– Да, именно так, – подтвердил Скрипач. – Правда, он не объяснил, что нужно будет делать, сказал только, что несложно.

– Ну, следить за огнем на розжиге – это действительно не очень сложно, да и травы смешивать тоже, – Лийга задумалась. – Вот только что-то я сомневаюсь, что вы двое... о-па, так, тихо, тихо, тихо, держи его, держи, говорю... ай, чёрт, у тебя же одна рука, пусти, я сама...

Проснулся Ит от давно забытого ощущения, и несколько минут лежал, силясь осознать, что именно он чувствует.

И вдруг понял. Впервые за несколько месяцев ему не было больно. Вообще не было больно, совсем. И не было холодно. И лежал он, тоже впервые за долгий срок, на чём-то мягком, мало того, чья-то добрая рука, кажется, сунула ему под колени пару подушек, и – тоже впервые за всё время, разумеется – у него не болели и не ныли тазобедренные суставы, и живот тоже не болел, потому что расслабились наконец-то вечно сведенные и перенапряженные мышцы. Это было настолько удивительно и непривычно, что он боялся даже дышать, чтобы не спугнуть, не разрушить это сказочное, невероятное ощущение. Не больно. Просто – не больно, и не холодно...

– Скелет халвкины номер два, – произнес насмешливый голос у него над головой. – Спокойно, не дергайся. Эй, а ну-ка посмотрим на меня. Как тебя там, Ит?

А вдруг, если я отвечу, она нас прогонит? пронеслось в голове у Ита. Когда лежишь, не трогают, ведь так? Сейчас она увидит, что я очнулся, и...

– Пить хочешь? – спросила Лийга. – Слушай, я не слепая, и вижу, что ты уже очнулся. Пить хочешь, спрашиваю? У меня тут жарко, давай я тебе лхуса холодного принесу. Ага?

Ит несмело кивнул. Мысли пока что путались, но пить, кажется, действительно хотелось. Лийга куда-то ушла, но очень скоро вернулась. Помогла сесть чуть повыше, и попыталась дать ему в руки чашку, но руки пока что слушались Ита плохо, поэтому Лийга решила придерживать чашку сама, на вся-

кий случай.

Содержимое чашки вызвало такую же бурю эмоций, как и кровать – лхус оказался сладкий, потому что Лийга добавила в него варенье, кажется, тоже из рибира. Глюкоза, сахар – голова, разумеется, тут же снова закружилась, Ит почувствовал, чего его ведет, и хорошо, что он уже лежит, иначе снова бы свалился, скорее всего.

– Он вас что, совсем не кормил? – спросила Лийга. – Что вы там у него ели? Камни?

– Кашу, – ответил Ит.

– И всё? – Лийга нахмурилась.

– Да.

– Старый дурак, – зло сказала она. – Ну, он у меня сегодня получит... Хотя, конечно, не дурак, это немножко по-другому называется... неважно. Ладно, ты давай, отдыхай, отсыпайся, завтра поговорим.

– А где...

– Рыжий? – спросила Лийга. – Помогает мне с печкой. Он молодец, ловко научился справляться одной рукой. Я к тебе его попозже отпущу, мы прогрев закончим, и он придет.

– Он? – переспросил Ит.

– А тебя что, больше устраивает «она»? – уточнила Лийга. – Я не Рифат, мне всё равно. Как хочешь.

– Нет, как раз «он», мы так привыкли, – ответил Ит.

– Я уже поняла, – кивнула Лийга. – Всё, спи. Как ты сюда дойти сумел, это же просто удивительно. И почему не умер

в первые дни – тоже, – добавила она. – Извини, но я тогда подумала, что ты уже нежилец.

– Бывает, – Ит почувствовал, что глаза закрываются. – Я тогда тоже так подумал...

– И Рифат, – закончила Лийга. – Очень хорошо, что мы все ошиблись.

Проспал Ит больше суток. За это время он просыпался всего дважды – первый раз успел перекинуться парой слов со Скрипачом, второй – послушать, как Лийга отчитывает Рифата, который, судя по разговору, пришел к ней, чтобы забрать домой обеих халвквин, и был поставлен перед фактом: остаются у меня, на несколько дней, пока не окрепнут.

– Легко вымещать свои чувства на тех, кто слаб, и не может тебе ответить, – жестко говорила она. – И легко врать тем, кто тебе верит. Да, Рифат? Ты мне сказал, что у вас всё в порядке. Вот это порядок? Вот такой у тебя теперь порядок? Один упал в обморок в прихожей, другой – прокусил себе палец, на который варенье капнуло, когда я это варенье ему в чашку накладывала. Рифат, скажи мне, ты в своем уме?

– Одна, и другая, – глухо ответил Рифат. – Я прошу тебя, прояви такт.

– Это мой дом, – отрезала Лийга. – И как раз я проявляю сейчас такт. Они привыкли к другой форме. Хотя бы здесь они могут называть себя так, как их называли родители, а не

как ты привык?

– Ты просила меня сама, чтобы я не впутывал тебя в это. Я выполнил твою просьбу.

– Я просила тебя не об этом, – возразила Лийга. – Я не хотела принимать смерть. И ты знаешь, почему я тебя об этом просила. Я много раз потом спрашивала тебя, нужно ли вам что-то, хочешь ли ты что-то забрать, но ты забрал только скибы. Ты почти четыре месяца морил их голодом. Они не принимали аскезу, как это сделал ты. За что? Мстишь? Им? При чем тут они вообще? Им лет всего ничего, они, когда с тобой это случилось, ещё на свет даже не появились! Да, ты так привык, но ты сейчас здоров, Рифат, к тому же ты много времени проводишь у меня, в тепле, а они эти месяцы были только в холоде. И потом, почему ты не берешь дрова? Тысячу раз я тебе говорила: лес большой, бери дрова, не морочь голову. Но нет!

– Если я буду брать дрова, может не хватить на обжиг, – ответил Рифат. – И потом ты же сама отправишь меня за ними за холмы, а пока я буду ходить, обжиг будет стоять и ждать. Потеряем время. К тому же ходить придется несколько дней, я не так молод, чтобы увезти столько лиственницы за один раз...

– На любое слово ты найдешь сотню оправданий! При этом ты великолепно понимаешь, что этому твоему поступку оправданий нет, и быть не может! Я не узнаю тебя, – она понизила голос. – Тот Рифат, которого я знала, не стал бы

наказывать тех, кто попал в беду, он любил весь мир, и никогда не обидел бы ни мужчину, ни халвквину, ни женщину, ни ребенка. У тебя была великая душа, уникальная, а сейчас ты вымещаешь своё горе на тех, кто даже ответить тебе не может. Стыдно, Рифат. Нет, не тебе. Мне сейчас за тебя стыдно.

– Ты не сможешь их оставить у себя, – сказал Рифат лишенным всякого выражения голосом.

– Да, не могу. И не оставлю. Но они будут у меня работать, часто, – тут же ответила Лийга. – Это ты не сможешь мне запретить.

– Я не хочу тебе ничего запрещать, и не имею права этого делать, – всё тот же, лишенный выражения, голос. – Но халвквина в таком возрасте с легкостью может навредить сама себе, и, если я взял эту ответственность, я буду обязан максимально...

– Ой, перестань, – с раздражением произнесла Лийга. – Двое искалеченных полукровок, о какой осторожности ты говоришь?

– Полукровок? – в голосе Рифата вдруг появился интерес. – Ты проверила?

– А что тут проверять? И так всё прекрасно видно. Тем более что рыжий рассказал о семье, про это они оба отлично всё помнят. Их мать человек, младший отец – такая же по-месь, старший отец – из наших. Вселенная большая, Рифат, тебе ли об этом не знать. Вот такой казус, смешение двух рас.

Подобных семей там немало, судя по рассказу. Меньше, чем чистокровных с обеих сторон, но немало. У нас им не грозит то, о чем ты думаешь, грозить может совсем другое, но уж от этого мы вполне сумеем их защитить.

– Если будет время, и если найдутся деньги, – в голосе Рифата возникла неприязнь. – И если они окажутся нам полезными.

– Твоё ожесточенное сердце говорит сейчас страшные вещи, – печально произнесла в ответ Лийга. – Идём работать. Тебе проще, ты вернешься домой, а мне ещё всю ночь быть у печи...

– Попроси Скиа помочь тебе, – предложил Рифат.

– Он ещё не умеет, и заперет мне обжиг, ты что, – возразила Лийга. – Идём. Крышу починил?

– Да, теперь почти не протекает.

– Славно, славно...

Лийга позволила Иту встать только на вторые сутки, и приказала Скрипачу быть с ним, контролировать, поддерживать. Мало ли что, сказала она, долго лежал, ещё упадет, а у меня тут лучше не падать.

Да, в этом странном доме лучше было действительно не падать, и вести себя следовало осторожно, потому что дом Лийги в данный момент представлял собой мастерскую, в которой делалась в большом количестве керамика. В данный

момент? Ит удивился, когда Лийга сказала об этом, и она подтвердила – да, в данный. Видишь, какие штучки? Сейчас, зимой, мы делаем их – а весной и в первой половине лета мы будем делать то, что в них будет. Ну и осенью тоже будем, конечно, но осенью уже немного, потому что осенью нужно ещё успеть заготовить, привезти, и заложить на хранение три вида глины, да и не только её.

– Вы так работаете? – понял Ит. – А что вы делаете? Что будет в этих баночках?

Баночками он сейчас назвал сложной формы уплощенные сосуды с плоскими крышками, размером с половину ладони. Форма строгая, гармоничная, а вот цвет и фактура поверхности у каждого такого сосудика была разной. Пепельная глазурь, объяснила Лийга. Обжиг идёт очень долго, сажа оседает на поверхности, и спекается в стекло, понимаешь? И, конечно, узор не повторяется, он и не может повториться. Её величество Случайность, самая удивительная, и, пожалуй, самая прекрасная вещь на свете.

Что будет внутри? В тех, что побольше, будет, в некотором смысле, еда. Точнее, не еда, а добавка к еде. Приправа, здесь растут эндемики, которых на всей планете больше нет, и баночка со смесью трав и масел, которая называется лиэпстег, стоит очень недешево. К тому же такой баночки хватает на пару лет, настолько велика концентрация, и настолько содержимое острое. В лиэпстеге полсотни компонентов, он готовится сложно, долго, и далеко не все умеют его делать пра-

вильно. Потому что уже сейчас, к примеру, там, за мастерской, в теплом помещении стоят и ферментируются горшки с нарезанным перцем, одним из компонентов, без которого лиэпстег невозможен. Одна только ферментация занимает восемь месяцев.

– Никогда о такой штуке не слышал? – с интересом спросила Лийга.

– Никогда, – признался Ит. Действительно, ни он, ни Скрипач с подобной приправой не сталкивались ни разу в жизни. Видимо, какая-то местная фишка, нигде больше не встречающаяся.

– Ну вот, теперь будешь знать, – усмехнулась женщина. – Ещё мы делаем крем, он и как косметика используется, и как приправа, но уже для сладкого. Этого немного, баночек пятьсот, ну, шестьсот.

– А лиэпстега сколько? – Иту стало интересно.

– От полутора до двух тысяч. Это два месяца за кругом, если ты понимаешь, о чём я, – с гордостью сказала Лийга.

– Не очень, – признался Ит, который до сих пор соображал и впрямь не очень.

– Гончарный круг, придурок, – объяснил добрый Скрипач. – Лийга их лепит. Сама. Потом их сушат, потом обжигают, тут печь специальная есть для этого. А летом, уже в готовые сосуды кладут всякое, и продают. Да? Правильно?

Лийга рассмеялась.

– Ну, почти, – сказала она. – Чтобы положить туда вся-

кое, как ты выразился, это всякое надо сперва собрать, потом приготовить, и только потом положить. Причем готовить мы начинаем уже сейчас. Ит, у тебя две здоровые руки, верно? Да, ноги нормально не ходят, а руки в полном порядке. Поэтому будешь заниматься травами. Работа муторная, нудная, нужно хорошее зрение, и нужна аккуратность. Справишься?

– Надеюсь, – пожал плечами Ит. – Вы покажите, что делать. Я же не знаю.

– Сейчас разберешься.

Работа и впрямь оказалась муторная. Лийга принесла откуда-то сноп высушенных трав, и объяснила, что надо находить семенные коробочки, вскрывать их, и вынимать иголкой семена, складывая их в стеклянный флакон размером с зажигалку. Если до обеда ты сумеешь закрыть хотя бы половину дна флакона, будет очень хорошо. Замечательно. Семян нужно много, десять грамм в общей сложности, лучше – больше, потому что эти семена – катализатор, который раскрывает ароматическую композицию во время нагрева лиэпстега. Именно поэтому мы продаем лиэпстег в керамике, его нагревают перед использованием, и неоднократно, поэтому керамика – не просто самый красивый вариант для его упаковки, но и самый надежный. Всё понял? Всё. Ит кивнул. Тогда сиди и работай, а мы пошли к печи, прогрев уже почти закончился, начинаем обжиг, и сейчас буду учить твоего рыжего брата, как следить за температурой обжига.

Больше всего Ит боялся, что после геронто и болезни руки не будут слушаться так, как надо. Неизвестно, что происходило и с ним сами, и с рыжим – а вдруг часть моторных навыков утеряна? Однако опасался он зря, с руками, да и с глазами, оказался полный порядок. Ит сел поудобнее, развернувшись так, чтобы свет из окна падал на предполагаемую рабочую зону, усмехнулся, вспомнив курс по микрохирургии, и приступил. Жаль, нет оптики, думал он, но главное – руки работают хорошо, а ещё инструмент для такой тонкой работы оказался вполне подходящий. Первые пятнадцать минут ушли на то, чтобы приноровиться, затем Ит выработал для себя алгоритм действий, и работа пошла гораздо быстрее. Выхватить взглядом в груде сухих травинок семенную коробочку, подхватить пинцетом; затем острой стороной стекла сделать на коробочке аккуратный вертикальный надрез, только надрезать нужно не до самого конца, а до твердого основания коробочки, дальше – поместить коробочку над горлышком флакона, перевернуть стек, и лопаткой в одно движение отправить семена во флакон. Главное – чувствовать это движение, и понимать, где следует остановить лопатку, чтобы не сломать коробочку, и не уронить её внутрь флакона. Тут уже можно не смотреть, смотреть следует снова на груду травинок, в поисках следующей коробочки.

«Всё-таки мы очень живучие, – думал Ит, уже автоматически вычищая очередную коробочку с семенами. – Архэ?

Совсем не факт, что причина в этом. Мы как репейник, что я, что рыжий. Мы цепляемся за жизнь, приспосабливаемся, адаптируемся, и не сдаемся. Даже когда очень тяжело. И в этот раз мы не сдадимся тоже. Странное место, странные рауф, в компании которых мы оказались, неизвестность, травы, причем очень хреновые. Да? Верно. И что? Да ничего. Сейчас соберем волю в кулак, и будем пробовать разобраться, что к чему. И не „для чего“, а „потому что“. Хотя бы потому что надо во что бы то ни стало уберечь друг друга. Если для того, чтобы рыжий и дальше был жив, мне нужно будет перелопатить тонну этой травы, отделяя семена, которые как пыль, я это сделаю. Если для того, чтобы жил я, рыжему нужно будет освоить работу с керамикой – он это тоже делает. Мы должны выжить, разобраться, и вернуться. Хотя бы попробовать. Господи, как же хорошо, что мы попали в этот дом – удалось согреться, поднять глюкозу, и теперь, о чудо, у меня нормально работает голова. Можно спокойно подумать о происходящем, и попробовать это всё немного осмыслить. И выработать стратегию, потому что говорить той же Лийге хотя бы часть правды – означает мигом превратиться в её глазах в сумасшедших. Мы для неё – немного странные гермо, которые по какой-то причуде судьбы полукровки. Молодые гермо. Совсем молодые, следует заметить. Так? Верно. Именно так. Вот пусть так и остается. Роль молодых покалеченных дураков нам сейчас как нельзя кстати, и надо пользоваться тем, что о нас именно так и думают. И пусть дума-

ют. Понятия не имею, кто и для чего прогнал нас через такое количество геронто, но этот кто-то оказал нам этим большую услугу. Нас не принимают всерьез. И это прекрасно. Пусть и дальше не принимают. Интересно, рыжий тоже это понял? Скорее всего, да. Но это мы потом ещё раз отдельно проговорим, когда будет время».

От раздумий его отвлекла Лийга, которая, оказывается, подошла, и сейчас стояла рядом, с удивлением глядя на флакон, в который Ит только что отправил содержимое очередной коробочки.

– Ничего себе, – с удивлением произнесла она. – Это ты столько успел?..

– Сколько? – не понял Ит. Он настолько увлекся самим процессом работы, что о количестве семян даже думать забыл. Оказывается, что дно флакона давно было закрыто полностью, и семена уже поднялись над ним миллиметра на четыре.

– А ну-ка пойдем, взвесим, – сказала Лийга. – Хотя не надо, ты сиди, я сама. Ну у тебя и зрение, Ит. Да и руки, видимо, тоже...

– Сколько получилось? – с интересом спросил Ит, когда Лийга поставила флакон на чашечку весов, и принялась выкладывать на противоположную чашечку крошечные грузики-лепестки.

– Почти грамм, – Лийга покачала головой. – Ну, ты даешь. Ты за десять дней сделаешь то, что у меня отняло бы месяц.

– Да и можно и быстрее сделать, лишь бы светло было, – пожал плечами Ит. – Это не так сложно.

– Скажи это Рифату, – хохотнула Лийга. – Не сложно. Тебя, небось, хвалили за хорошее зрение?

Ит, вспомнив о более чем двухсотлетнем хирургическом стаже, незаметно вздохнул, и вслух сказал:

– Да, бывало. Всегда маме нитку в иголку вдевал. Она вышивать любила, такое старинное хобби. Картины вышивала.

– Вот и отлично, – кивнула Лийга. – Ещё поработаешь, или уже устал? Я вас у себя ещё на два дня оставлю, пожалуй. Вы толковые. Скиа за полчаса сообразил, как с печкой управляться, я хотя бы сама отдохну немного.

– Спасибо, – Ит улыбнулся. – Там у него действительно холодно. Печку топим и утром, и вечером, а всё равно холодно. Почему-то.

– Так море рядом, и зима, что ты хочешь? – удивилась Лийга. – Был бы дом нормальный, было бы неплохо, но эти его развалины... – она вдруг осеклась, на лице её мелькнуло странное выражение – неприязнь, печаль, тревога. – Ладно, неважно. В общем, да, у него действительно холодно. Я вам что-нибудь дам, чтобы поддеть под скибы, но лучше бы вам почаще бывать у меня. И поработать, и погреться.

– Мы с радостью, – Ит снова взял со стола пинцет, и нацелился на очередную коробочку. – Если Рифат разрешит, мы всегда готовы помогать.

– Отлично, – кивнула Лийга. – Ты продолжай тогда, а

мы пока позанимаемся печью. Обжиг идёт десять часов, его нельзя прерывать, поэтому есть будем по очереди.

– А как вы раньше справлялись? – спросил Ит с интересом.

– В смысле – как? – удивилась Лийга. – Сто с лишним лет как-то справляемся. Когда Рифат помогает, а когда и сама живу у печи. Ты молодой ещё, не знаешь. Жизнь, она и не такому научит, поверь.

– Верю, – Ит покосился на костыли, которые сейчас стояли рядом с лавкой, на которой он сидел, прислоненные к стене. – Об этом я уже начал догадываться.

Глава 4. Карта

– Весьма специфическая мадам, – заметил Ит. – И очень себе на уме.

– Я бы сказал – практичная мадам, – добавил Скрипач. – И хитрая. И умная. И непростая.

– Они оба непростые, – согласился Ит. – Что Рифат, что она.

– И при этом они вполне успешно притворяются ремесленниками, живущими на лоне природы натуральным хозяйством, – добавил Скрипач.

– Нет, не притворяются. Они действительно так живут, – возразил Ит. – Но почему, пока не ясно. Зато стало ясно другое.

– И что же? – Скрипач остановился.

– Вырисовывается кое-какая география, – ответил Ит. – Слушай, пойдем, посидим где-нибудь, а? Вон, видишь, бревно валяется, относительно сухое. Надо поговорить.

– Давай, – согласился Скрипач. – На счет географии это да, ты прав. За домом стоят три весьма интересные тележки, в которые, видимо, впрягаются они сами. Тележки для перевозки чашек с приправами, судя по запаху. И если они ходят торговать пешком, то, думаю, поселение будет не так уж и далеко.

– Вот и я о том же, – кивнул Ит. Сел на бревно, пристро-

ил рядом костыли. Ноги болели, и левая, на которую теперь приходился весь вес тела, и правая, подвязанная. – Вопрос, чьё это поселение? И что нам может это дать?

– И зачем оно нам вообще, – пробормотал Скрипач. – Может, и смысла никакого для нас в этом поселении нет.

– Давай подумаем с другой стороны, – предложил Ит. – В чем для нас вообще есть смысл? Первое – остаться в живых. Пока что справляемся, не сказать, что очень хорошо, но всё-таки. Второе – разобраться, где мы находимся, и существует ли хотя бы теоретическая возможность отсюда выбраться.

– Третье – как и куда выбираться, – Скрипач задумался.

– Куда? – удивился Ит. – А вариант выбираться домой тебя чем-то не устраивает?

– Меня-то устраивает, вот только я что-то сильно сомневаюсь, что отсюда получится домой, – Скрипач поскущел. – Я пару раз выходил на улицу ночью. Ит, не хотел тебя расстраивать, но небо здесь... оно вообще чужое. Совсем. Я про ощущение в большей степени, – поспешно добавил он. – Сам увидишь. Или почувствуешь. Мы с тобой этих небов... или неб, неважно, перевидали за жизнь офигенное количество, но такого ощущения я ни разу не испытывал. Даже на Терре-ноль, где созвездия состоят из галактик. Здесь – на вид всё совершенно обычно. Вроде бы небо и небо, звезды и звезды, граница обитаемой зоны, звезд мало, небо бедное. Но оно какие-то не такое... не могу объяснить.

– Может, другая галактика? – спросил Ит. – Или тебе что-

то померещилось из-за общего состояния?

– И чего? – округлил глаза Скрипач. – Бывали мы в других галактиках. Пусть мало, но бывали. Да и состояние тоже отнюдь не самое хреновое. Не-не-не, это ещё что-то, но я, убей бог, не могу понять, что.

Ит задумался. Нахмурился.

– Ночного неба я пока не видел, но... рыжий, я тоже заметил кое-что. Чужеродность. Понимаешь? Какая-то тень чужеродности. Я не понимаю, что это такое. Тот же искаженный всеобщий, тот же лаэнгш, который пришлось брать на маску, потому что он и похож на себя, и не похож. Ты ведь это тоже заметил?

Скрипач кивнул.

– Заметил, – согласился он. – У меня две версии на этот счет. Первая – нас закинули куда-то ну очень далеко от дома. Вторая – Стрелок. То есть адекватная версия, если вдуматься, отсутствует, потому что...

– Потому что мы не можем осмыслить, что это, – согласился Ит. – И самое скверное, рыжий, что мы, получается, не понимали, что наблюдали на самом деле в локациях на «Сансете». Нам казалось, что мы поняли. На деле – ты сам видишь, чем это всё обернулось.

– Я не знаю, чем это обернулось, – Скрипач опустил голову. – Чем-то очень скверным, судя по всему.

– Самонадеянность подвела, – признал очевидное Ит. – Мы сотни лет гнали эту тему. По всем направлениям. И не

мы одни. Мы действительно вышли на правильный путь. Вот только куда он нас привел, мы даже понять не в состоянии. По крайней мере, пока – точно не в состоянии.

– О, мысль дельная появилась, – оживился вдруг Скрипач. – И даже не одна, кажется.

– Выкладывай, – приказал Ит.

– Первое. Давай подойдем к проблеме с практической точки зрения, – начал Скрипач. – Мы с тобой в данный момент полудохлые, надо как-то восстанавливаться. Для этого нужна, во-первых, жратва, во-вторых, покой, в-третьих, разумные нагрузки. Пока что по программе реабилитации, верно?

– Логично, согласен, – кивнул Ит. – Понимаю, к чему ты клонишь, но продолжай.

– Поехали по пунктам. Жратва. У Рифата ничего нет, кроме танели, а вот у тёти Лийги еда имеется. Немудрящая, но в достаточном количестве. Есть и лхус, и варенье, и макароны эти, как их правильно...

– Кин-кинни, – подсказал Ит.

– Точно. И сыр сушеный, и растительное масло, – закончил перечислять Скрипач. – С высокой долей вероятности у неё есть что-то ещё, но нам за эти дни перепало только это. Но и это – если принять во внимание диету из танели...

– У меня голова начала работать нормально, – признался Ит. – Я с ужасом понимаю, что все эти месяцы был как под наркозом. Сейчас – просто в сравнение не идёт.

– Аналогично, – подтвердил Скрипач. – Словно включи-

ли. В общем, для нас жизненно важно почаще бывать у Лийги. Соглашаться на любую работу, делать что угодно. Что прикажет. Лишь бы кормила.

– Она очень непростая женщина, – сказал Ит. – Очень непростая. Равно как и Рифат. Рыжий, нам было настолько плохо, что даже на вопросы сил толком не оставалось. А надо, чтобы силы были. Дальше так нельзя.

– Вот-вот, именно. Дальше так нельзя, – согласился Скрипач. – Теперь про нагрузку. Надо тренировать то, что осталось от тушек. Тушки ни к чёрту, сам видишь. Поэтому у меня рациональное предложение: давай отпрашиваться у Рифата, чтобы он отпускал нас на берег за плавником вдвоем, и там будем потихоньку работать. По чуть-чуть. Для начала минут по десять-пятнадцать в день.

– Если отпустит, то да, можно и на берегу, – кивнул Ит. – Он часто бывает у Лийги, в его отсутствие проще тренироваться во дворе, или где-нибудь поблизости.

– Теоретически можно, главное, чтобы он нас не спалил за этим занятием, – Скрипач задумался. – И как бы отобрать у него обратно штаны от тех шмоток, которые на нас были? Эти тряпки, – он с отвращением глянул на рукав скиба, – раздражают просто неимоверно.

– Неудобно, и мешает ходить на костылях, – Ит вздохнул. – Халвквина. Ну надо же. Расспрошу потом Лийгу про местную специфику, пожалуй.

– Вместе расспросим, – Скрипач вздохнул. – Мне тоже

интересно. Позиционирование, конечно, для нас непривычное, но...

– Но, во-первых, мы схожие варианты видели, и, во-вторых, тот, который здесь, от них всё-таки отличается, хотя принцип один и тот же, – закончил за него Ит. – Общая база одна, но не более того. Если здесь и есть иерархия по полам, то она точно не такая, как в тех семьях, с которыми мы общались.

– Почему ты так решил? – нахмурился Скрипач.

– Ну, хотя бы потому, что Рифат ночует с нами в одной комнате, – напомнил Ит. – Будь здесь такая же система, как та, что нам знакома, он бы от нас хотя бы занавеской, но отгородился. Нет, этого он не сделал. Или еда. Хоть ты на него и ворчал, еду он делил четко на троих, и это при том, что он нас гораздо крупнее, он же мужик. Значит, халвквина в этой традиции – отнюдь не в положении униженного раба, пусть и носит скиб, который закрывает её с головы до ног. Рифат, кстати, с нами более чем корректен. Ни разу не ударил, ни разу не накричал, а ведь мог, было, за что.

– Ты опять? – Скрипач рассердился. – Ну, вспылil. Извини. Просто в тот момент...

– Ты ему это скажи, – предложил Ит. – Вот сегодня, как придем, возьми, и скажи – прости, мол, был неправ, погорячился, обозлился.

– Только надо будет говорить «не права», – напомнил Скрипач. – Ладно, попробую. Не факт, что из этого что-то

получится, но попробую. Знаешь, меня настораживает то, что они очень закрытые. Оба.

– Мы тоже, – напомнил Ит. – И нужно придерживаться легенды дальше.

– Разумеется, – Скрипач вздохнул. – С молодых дураков какой спрос? Особенно если дураки вообще дуры. Конечно, будем придерживаться, как иначе.

– И знаешь ещё что, рыжий... – Ит нахмурился. – Мы ведь, если вдуматься, сейчас находимся внутри комплекса событий Слепого Стрелка, верно? Так вот. Такая мысль – нельзя сопротивляться. Он уже поставил нас сюда, непонятно куда, причем поставил именно в качестве своих действующих элементов. А именно – Архэ. Мы внутри схемы. Давай так: пока что будем наблюдать. Смотреть, анализировать, замечать, и воздерживаться от поспешных выводов. Мы в данный момент, как мне кажется, имитация элементов системы. Достоверная, в достаточной степени. Но всё же имитация.

– Почему ты решил, что достоверная? – спросил Скрипач.

– Ну, хотя бы потому, что мы ещё живы, – ответил Ит. – Неудобные Архэ, как показывает практика, могут выйти из комплекса событий очень быстро, и вперёд ногами. Или вообще не войти в сам комплекс. С нами этого не случилось. Почему-то. Но понимаем мы по сей день безобразно мало.

– Ничего мы не понимаем, – покачал головой Скрипач. – Ни-че-го. И, как выясняется, там, в локациях, мы тоже ничего не понимали. Мы считали, что мы наблюдаем. Оказывает-

ся, наблюдали за нами, и оценивали нас. Ну и вот. Оценили.

– Видимо, да, – кивнул Ит. – Ладно, пойдем к Рифату. Каяться. И отдавать варенье. Которое, если честно, я бы сожрал прямо здесь, и всю банку сразу. Мозги без глюкозы не работали, и у тебя, и у меня. Сейчас – это же просто праздник какой-то. Даже ноги, кажется, меньше болят.

В доме оказалось пусто, видимо, Рифат, по утреннему времени, как всегда, отправился на берег. Скрипач демонстративно пристроил нетронутую банку с вареньем на стол, рядом с плоской для варки танели, и предложил:

– Пойдем к морю, плавник собирать? Ты не очень устал?

– Отдохну чуть-чуть, и пойдем, – согласился Ит. – Рыжий, только очень тебя прошу, давай искренне. Ага? От всей души. Так, чтобы он точно тебя простил.

– Очень постараюсь, – кивнул Скрипач. – Посмотрим, в каком он будет настроении, и будем исходить из того, что увидим. Ты тоже подключись, хорошо?

– Если потребуется, то подключусь, конечно, – согласился Ит. – Попробую.

Рифата они нашли там же, где и всегда – он бродил по камням, подбирая обглоданные морем деревяшки. День выдался холодным, и с моря дул сейчас в сторону берега тугой

ровный ветер, который заплескивал края рифатова плаща. Ткань билась на ветру, хлопая, как крылья огромной птицы, но Рифат не обращал на это внимания. Походил несколько шагов, наклонялся, поднимал очередную деревяшку, и совал в подвязку, висевшую на плече.

– Рифат! – позвал Ит. – Мы вернулись. Лийга передала тебе варенье, мы его в доме на стол поставили.

Рифат выпрямился, поправляя подвязку с плавником, с удивлением посмотрел на Ита.

– Ты зачем пришла сюда? – спросил он с упреком. – Вторую ногу сломать решила? Тебе нечего тут делать.

– Я пришла, чтобы помочь, – твердо ответил Ит. – Скиа, ты ничего не хочешь сказать Рифату?

Скрипач вышел вперед, и встал перед Рифатом, склонив голову.

– Я прошу прощения, – произнес он. – Рифат, я вела себя плохо. Я была неправа. Мне стыдно за свой поступок.

Рифат смотрел на Скрипача спокойно, выражение у него на лице не изменилось. Кажется, он ждал продолжения.

– Я больше так не буду, – добавил Скрипач. – Просто я разозлилась из-за того, что...

– Я принимаю твоё извинение, – ответил, наконец, Рифат. – Хорошо, что ты осознала свою ошибку. На будущее – постарайся впредь вести себя достойно. Несдержанность тебя не украсила в тот раз. Да, у меня почти ничего нет, это верно, но даже это почти ничего я делил с вами так, как мог.

– Мы поняли, – сказал Ит. – Ты давал нам даже больше, чем брал себе.

– Поровну, – покачал головой Рифат.

– Нет, больше, – возразил Ит. – Потому что ты сам больше, и работы выполняешь тоже больше, чем можем мы. Точнее, чем может Скиа. Я пока что вообще ничего не могу.

– Это неважно, – Рифат вздохнул. – Хотел бы узнать про другое. Лийга сказала мне, что у себя дома вы привыкли к обращению «он». Я могу называть вас «он», но...

– Не надо, – тут же сказал Ит. – Называй так, как тебе это кажется правильным. Дома? А где он теперь, этот дом? Мы этого не знаем. И где мы оказались, не знаем тоже.

– Вы совсем ничего не помните о том, что с вами случилось? – Рифат нахмурился. – Я не спрашивал, мне было вас жаль. Но если получится узнать, то, может быть, есть шанс...

– Попробовать вернуть нас домой? – спросил Скрипач. Рифат неопределенно пожал плечами.

– Не думаю, что это возможно, – ответил он. – Хотя бы передать весточку родным о том, что вы живы. Вы знаете всеобщий, пусть в необычном виде. Вы знаете лаэнгш. Для меня это означает то, что ваш родной мир принадлежит к Сообществу, является его частью. А значит, связь возможна. Пусть не сейчас, пусть через несколько лет, но всё же возможна.

– Через несколько лет? – спросил Скрипач растерянно.

– Да. Связь очень дорого стоит, к тому же придется искать,

откуда вы, – объяснил Рифат. – Это тоже недешево.

– А спросить тех, кто нас сюда забросил? Как-то найти их? Тоже невозможно? – Ит нахмурился.

– Как мы узнаем, кто вас бросил здесь? – вопросом на вопрос ответил Рифат. – Никто не признается.

– Но... тут что, нет никакой слежки, контроля, или чего-то в этом роде? Невозможно узнать, кто нас выкинул из корабля на берегу? – Скрипач с недоумением посмотрел на Рифата.

– Нет, – покачал головой тот. – Здесь этого больше нет. Так уж получилось.

– Почему? – спросил Ит.

– Ну, бывает и такое, – Рифат вздохнул. – Долго объяснять. Давайте соберем ещё плавника, и пойдем домой. Скиа, ты взяла подвязку?

– Взяла, конечно, – Скрипач указал на плечо. – Уже иду собирать.

– А мне что делать? – спросил Ит. Идея ходить на костылях по камням ему не понравилась. Да, сейчас он стоял на полужасыпанной песком тропинке, но стоит отойти от неё на пару шагов, и можно действительно серьезно повредить левую ногу, единственную действующую. Не хотелось бы.

– Сядь вот сюда, – Рифат указал на валун, – и складывай аккуратно то, что мы собрали. Лийга сказала, что у тебя хорошее зрение и руки, – заметил он. – И попросила отпускать вас почаще к ней, помогать. Вы согласны?

– Согласны, конечно, – ответил Скрипач. Ит кивнул. – Мы и так вас объедаем, так пусть от нас хоть какая-то польза будет. Вы ведь живете на то, что получается после продажи этих баночек? Верно?

Рифат вдруг улыбнулся – впервые за всё время.

– Да, почти, – сказал он. – На то, что получаем от продажи баночек. Конечно, я стараюсь ничего на себя не тратить, чтобы всё доставалось ей, но, к сожалению, танели здесь не растет, и приходится покупать.

– А почему – ей? – с интересом спросил Ит. Скрипач уже отошел от них куда-то в сторону, в поисках плавника, а Рифат всё ещё стоял рядом с Итом, на тропинке.

– Потому что она женщина, – строго произнес Рифат. – По-моему, это очевидно.

– Ну... – Ит пожал плечами. – У нас было как-то по справедливости, что ли. Все работали, и все ели одинаковую еду, например. И всё в таком духе.

– Итта, ты должна понять, что обстоятельства бывают очень разными, – наставительно сказал в ответ Рифат. – У вас дома они были одни, здесь они другие. Здесь – вот так. Не задавай лишние вопросы.

– Хорошо, – покладисто кивнул Ит. – Не буду. Как скажешь.

– Вот и умница, – снова улыбнулся Рифат. – Раскладывая плавник, а мы пойдем, соберем ещё. Ночь будет холодная, прогреем дом получше.

После этого разговора, к общей радости, атмосфера в доме Рифата изменилась. Не висело больше в воздухе это звенящее, пронзительное напряжение, заставляющее нервничать и злиться, в доме воцарилось спокойствие. Кажется, Рифат тоже был рад этому обстоятельству. У Лийги прибавилось работы, и новыми помощниками она оказалась довольна. Надо торопиться с обжигами, говорила она, скоро погода начнет меняться, пойдут сильные предвесенние дожди, нужно успеть обжечь всё, что получилось хорошо просушить зимой. Но ведь зимой тоже были дожди, заметил как-то Скрипач, разве они не мешали просушке? Эти нет, ответила тогда Лийга, ты ещё весенних дождей не видел, увидишь – поймешь. А пока давай снова растапливать печь, лучше нам поторопиться.

С тренировками пока что получалось не очень хорошо, всё-таки они были слишком слабыми, но, по словам Ита, слабость не являлась поводом, чтобы сдаваться, и тренировались они теперь при любом удобном случае. Кто как мог. Рифат отправил на берег за плавником? Отлично, параллельно со сбором тому, у кого есть ноги, можно аккуратно попрыгать с камня на камень, а тому, у кого есть руки – немного покачать эти самые руки с помощью всё тех же камней, благо, что этих спортивных снарядов вокруг валяется в изобилии. Скрипач уже начал подшучивать, что у них теперь на

двоих три руки и три ноги, но Ит эти шутки не поддерживал. Ага, говорил он. Конечно. Ты почему-то забыл, что у тебя в комплекте к искалеченной руке идёт отбитое левое легкое, а у меня – переломанные тазовые кости, и срослось и зажило это всё хуже некуда. Но тренироваться всё равно надо, а вот с шутками пока что лучше подождать. Почему? Не знаю, раздраженно отвечал Ит, просто не шути пока, и всё. Нудный ты, сердился на него Скрипач. А вдруг Стрелок не хочет, чтобы мы шутили? возражал в ответ Ит. Вот ты уверен, что шутить над этим можно? Я – нет. Так что пока лучше не надо. Скрипач на это подробно расписал, где, когда, и в каком виде он этого Стрелка наблюдал... в общем, пока что от шуток решили воздержаться, но рыжий так в результате и не понял, что именно тогда насторожило Ита, и почему он стал против шуток возражать. Особенно – против шуток в присутствии Рифата. Впрочем, интуиции Ита он доверял, поэтому спорить всерьез не рискнул.

К Лийге они стали ходить часто, да и на море стали выбираться при любой возможности. Конечно, Иту было тяжело, и он уже понял, что вероятность улучшения у него минимальная, но продолжал упорно разрабатывать и ногу, и руки. Уже не было такого страха упасть, как в первое время. Уже окрепли немного руки, да и старые навыки постепенно просыпались – например, если он ронял костыль, ему не требовалась помощь, чтобы его поднять, это получалось сделать с помощью второго костыля. Левую ногу, однако, он силь-

но нагружать боялся, чувствовал, что с суставом отнюдь не всё так хорошо, как хотелось бы, и следует поостеречься. Да, разрабатывать надо. Но в разумных пределах. Пока – восстановление подвижности, по возможности, дальше – как пойдет.

Скрипач тоже восстанавливался, но, к его огорчению, правая рука нормально разрабатываться всё никак не хотела, точнее, мешал болевой синдром, который возникал при этой разработке в искаленной левой руке. Боль тормозит, жаловался Скрипач, и как же бесит, не передать. Если бы можно было хоть как-то обезболиться, я бы сделал правую руку за пару недель. Но ведь нечем. Нет лекарств, ни у Лийги, ни у Рифата.

– Рыжий, а тебе не кажется странным, что у них нет лекарств? – спросил как-то Ит. – Двое стариков. Зима. Холодное море. Дожди. Мы за четыре с лишним месяца переболели всем, чем только можно, а они... Тот же Рифат даже ни разу не кашлянул за всё время. И Лийга тоже. Корень хулма, который она дала тогда Рифату, не лекарство вовсе, это, по сути, легкий наркотик. Его используют, чтобы расслабиться, и немножко отключиться, не больше. Корень Лийга, видимо, держит исключительно для себя, и в небольшом количестве. Алкоголь тут, видимо, не в чести.

– Да, алкоголя нет, – подтвердил Скрипач. – Может быть, запрещен в религии, по крайней мере, очень на то похоже. А вот про лекарства да, это странно. Они действительно не

болеют. Словно...

– Словно у них стоит биологичка, – закончил за него Ит. – Я почему-то думаю, что именно она у них и стоит. Причем очень неплохая, и даже с ускоренной регенерацией всякой мелочи. При мне Лийга порезала палец, на следующий день от пореза осталась крошечная розовая полосочка, то есть зарубцевалось всё втрое быстрее, чем должно было. Сто против одного, что это биологическая защита, причем уровню по пятому, если не по шестому. Отсекает бактерии, регулирует вирусную нагрузку, держит свою флору в норме, опорка тоже поддерживается, как видишь. Рифат бродит по камням, собирая плавник, и что-то у него не заметно ни ушибов, ни переломов, а ведь он очень немолод.

– Или так выглядит, – добавил Скрипач. – Потому что и ему, и Лийге по какой-то причине выгодно так выглядеть. Не думал об этом?

– Думал, – кивнул Ит. – Возможно, это действительно маскировка. Или... сознательный выбор.

– Это какой именно выбор? – не понял Скрипач.

– Стареть, – ответил Ит. – Может быть, у них есть какие-то причины, чтобы стареть, причем именно таким образом.

– Ага, и при этом ставить себе биологическую защиту, чтобы случайно чего не вышло. Потому что стареть – это одно, а умирать, причем от болезни, это другое, – ехидно заметил Скрипач. – Хороши отшельники. Кстати, ты заметил, что само это место какое-то странное? – спросил он вдруг. –

Тот же берег.

– Тут что-то разрушено, – покивал Ит. – Было разрушено. Когда я подбираю гири из камней, мне часто попадаются обломки с ровными гранями. Обработанными гранями. Ты об этом?

– Да, именно, – согласился Скрипач. – Если поближе к воде подойти, можно заметить два бывших мола. Ну, как, заметить. Они под водой, но там вода ведет себя иначе, остатки этих моллов её отсекают, гасят. Как два хороших таких волнореза. Тут, видимо, было что-то вроде небольшой пристани. И, может быть, пляжик, такой, знаешь... – Скрипач щелкнул в воздухе пальцами. – Типа того, что Рэд сделал для семьи на Окисте. Небольшой уютный пляжик, рядом пристань, ну и всё такое, в том же духе. Может, домик ещё какой-то у воды. Не знаю. Но явно что-то было. И тропинка – кажется, это часть старой дороги, которая ведет к дому Рифата.

Ит задумчиво кивал в такт его словам.

– Очень похоже, что ты прав, – сказал он. – Эх, как жаль, что я на одной ноге, а в лесу пока что непролазная грязь. Станет посуше, побродим по лесу, посмотрим. Может, найдем ещё что-то.

– Запросто найдем, – уверенно сказал Скрипач. – Больше чем уверен в этом. Главное сейчас – себя не выдать. А то мы, понимаешь, потихоньку отъедаемся, поправляемся, и становимся неуёмно любопытными, – он усмехнулся. – Профессия накладывает свой отпечаток.

– Точнее, отпечатки, – поправил Ит. – Хотя, может, и не только профессия. Ну, вот такие мы. Всё нам интересно. Что ж поделать.

– А зачем с этим что-то делать? – удивился Скрипач. – Знаешь, а это хорошо, наверное.

– Что? – не понял Ит.

– Молодость, – усмехнулся Скрипач. – Бонус. Шанс. Блин, Ит, ну это же весело! У меня же не было адекватной молодости, я же её всю на помойке протанцевал, не в разуме. А ты только и делал, что учился, как проклятый, и соблюдал кучу дебильных правил в своем этом ДС-35. А тут такой шанс...

– Шанс на что? – спросил Ит. – Попытаться выбраться незнамо откуда в изувеченном виде? Рыжий, ну ты вообще...

– Да хоть бы и это, – упрямо возразил Скрипач. – Пусть даже так. Ит, всё, я больше не хочу предаваться рефлексии. Ну не хочу, понимаешь? И не буду.

– Уговорил, – Ит усмехнулся. – Вместе не будем. По возможности. Поскорее бы тут всё высохло, что ли. Идея прогуляться по лесу действительно более чем заманчивая.

Как-то днём, когда Ит прилег поспать, а Скрипач, от нечего делать, слонялся по двору, прикидывая, чем бы заняться (увы, заняться было совершенно нечем), Рифат, который в этот день остался дома, его позвал, и велел идти за собой, в сторону ручья. Заинтригованный Скрипач пошел за ним,

удивляясь про себя – потому что выглядел Рифат в этот день хмурым и задумчивым, к общению не расположенным.

– Скиа, это важно, – сказал Рифат, останавливаясь у ручья, неподалеку от места, где они обычно брали воду. – Скоро станет тепло, вы уже и так ходите на берег вдвоем, и... в общем, смотри сюда. Сейчас всё покажу.

Он подошел к большому, замшелому камню, и провел над его верхушкой ладонью. Воздух над камнем вдруг засветился, и перед ними повисла карта берега и окрестностей. Стандартная спутниковая карта, с удивлением отметил про себя Скрипач, ну надо же. Кажется, кто-то врал про то, что отслеживание невозможно – вот же оно. По всей видимости, локаторное оборудование Рифат за каким-то чёртом спрятал в камне, а сейчас невесть зачем решил показать ему, Скрипачу. Видимо, мне сейчас положено удивиться, решил Скрипач. Хорошо, за этим дело не станет.

– Ого, – с удивлением произнес он. – А это что? Карта?

– Именно так, умница, – кивнул Рифат. – Это карта места, где мы находимся. Вот наш дом, – он приблизил изображение, – вот дом Лийги, вот река, о которой я говорил... заметила, какая она широкая?

Река и впрямь была широкая, но Скрипача в этот момент интересовала вовсе не она. Потому что дальше, за рекой, между холмами он приметил небольшой городок. Километров тридцать, прикинул про себя Скрипач. Что там, интересно?

– А это что такое? Город? – он ткнул пальцем в изображение.

– Да, город. Анкун. Точнее, то, что от него осталось... – Рифат осекся. – Пока что это неважно. Скиа, теперь, прежде чем куда-то идти вдвоем, без меня, смотрите карту. Если вы увидите что-то движущееся, оставайтесь дома. Ясно?

– Движущееся где? – спросил Скрипач.

– Обычно над морем, – Рифат вздохнул. – Скоро начнется сезон, и вам следует быть осторожными. У вас нет документов, как ты понимаешь, а это чревато последствиями.

– Рифат, – Скрипач нахмурился. – Прощу прощения, но тебе придется объяснить. Первое: если я правильно понимаю, то отследить нас можно без проблем, потому что ты солгал, сказав, что средств отслеживания нет. Они же есть, примером тому – твоя карта. Второе: если нас можно отследить, то как нам в этом поможет дом? У нас любого можно было найти, куда бы он ни залез, и где бы ни спрятался. Значит, можно и у вас, так?

– В доме есть защита, – неохотно ответил Рифат. – Там вас не видно.

– В доме с деревянной крышей с сеном есть защита? – растерянно произнес Скрипач. – Seriously? Это как?..

На этот раз играть удивление не пришлось.

– Не твоего ума дело, – отрезал Рифат. – Да, она есть. И в доме вы в безопасности. К сожалению, документы вам можно будет сделать только летом. А до этого придется соблю-

дать осторожность.

– И всё-таки, кто нас выкинул на берегу? – спросил Скрипач. – Ты же видел, ты знаешь. Почему не хочешь сказать?

– Это был корабль, принадлежавший шрика, – Рифат пожал плечами. – Малый корабль. Думаю, вас везли на продажу, но что-то не заладилось. Может быть, вы сопротивлялись. Может быть, они что-то не поделили. Скиа, я не знаю, – произнес он покаянно. – Правда, я не знаю. Я собирал плавник, корабль сел на камни, потом почти сразу стартовал. Карта не прислала мне сигнал о нём. И потом, даже если бы и прислала, она показывает только класс корабля, не больше. Чей он был на самом деле, куда летел... это мне неизвестно.

– Но можно же проследить, – предположил Скрипач.

– Зачем? – спросил Рифат. – Меня это уже не касается. Я не стал следить тогда, не буду следить и сейчас. И вам не позволю это делать. Иди сюда, я настрою карту под тебя. Когда Итта проснется, отведешь её сюда, и настроишь карту для неё тоже. Поняла?

Скрипач кивнул.

– Ты видела такие карты раньше? – с интересом спросил вдруг Рифат.

– Сто раз видела, – пожал плечами Скрипач. – У нас такие на море стояли, мы с братом... прости, с Итта, ходили смотреть навигацию. Конечно, это можно было откуда угодно сделать, но у нас была традиция такая, – Скрипач сочинял на ходу, и, кажется, получалось вполне складно. – Перед

тем, как выйти в море под парусом, нужно посмотреть старую карту.

Рифат печально улыбнулся.

– Да, в море много странных традиций, – сказал он. – Помню, помню... но сейчас это неважно. А вот другое важно. Карта настроится на вас, и будет подавать сигнал, если кто-то подходит к берегу. Если пришел сигнал, идите сразу домой. Начинается сезон, и лучше лишний раз никого не провоцировать.

– Шрика? – уточнил Скрипач. – То есть людей?

– Не все люди – шрика, – наставительно ответил Рифат. – Это я тогда сгоряча сказал, прости. Люди бывают замечательные. Вот кто была твоя мама?

– Почему была? – Скрипач нахмурился. – Детский врач она. И она действительно замечательная...

– А, так вот откуда ты узнала про те подушки, – пробормотал Рифат. – Да, верно. Так вот, твоя мама точно не шрика. Она...

– Какие подушки? – сделал вид, что не понял, Скрипач.

– Которые надо класть под коленки, чтобы не болели суставы, – объяснил Рифат. – В общем, важно другое. Они здесь отдыхают. Всякие. Потом узнаете, кто. Пока что – просто они. И не надо им попадаться на глаза лишний раз. Уяснила?

– То есть это что-то типа туристов? – уточнил Скрипач.

– Именно что типа, – вздохнул Рифат. – А теперь пойдем

домой. Я принес от Лийги лхус, и с удовольствием выпью его вместе с вами. Мне, знаешь ли, тоже иногда хочется вспомнить...

– О чём? – спросил Скрипач с интересом.

– О том, что я тоже когда-то был живым, – тихо ответил Рифат.

Глава 5. Акинаата-кипу

– Вечером будет дождь, – сообщил Рифат. – Поэтому идите к Лийге прямо сейчас, поняли? Я приду позже, мне надо будет убрать вещи.

– Но мы можем помочь, – возразил Ит. – Уберем, и пойдем вместе.

– Идите, – с нажимом произнес Рифат. – Ты ходишь медленно, Итта, если начнется дождь, то ты вообще рискуешь не дойти. Одевайтесь. И скажите Лийге, что я тоже приду, эту ночь буду ночевать. В такую погоду крыша обязательно протечет, а мокнуть я не хочу.

– Да, это опасно, холодно же, – как бы невзначай сказал Скрипач. – Можно простудиться, а то и что похуже.

Рифат не отреагировал – впрочем, Ит уже понял, что реакции не последует. Если тема Рифату чем-то не нравилась, или он просто не хотел продолжать разговор, он отмалчивался. Будто никто ничего не сказал. Очень удобно, ну, разумеется. Как об стенку горох.

– Ты будешь у Лийги к вечеру? – спросил Ит совершенно спокойно, словно не заметил того, что полуминутой раньше сказал Скрипач. – Обед для тебя готовить, или только ужин?

– Кин-кинни немножко оставьте, мне хватит. К ужину приду, – ответил Рифат. – Ну или пораньше, если дождь станет слишком сильным. Как получится. Всё, идите.

Ит коротко глянул на Скрипача. Ясно, дальнейшего разговора не будет. Не хочет Рифат этого разговора, а если не хочет, то можно и не начинать.

— До вечера, — Ит встал, подхватил костыли. — Будем ждать тебя.

— Интересно, что у него ещё есть, — сказал Скрипач, когда они устроили передышку в лесу, на ставшем уже привычном бревне — оно оказалось самым удобным местом для отдыха. — Карта, защита на доме. Хитрый дядька, ведь карта — это, как минимум, пара хороших аккумуляторов. Потому что карта по пятерке, а это значит, что питание ей нужно, и, желательно, подходящего класса.

— Ну, допустим, батарейки пятого уровня — штуки более чем живучие, — заметил Ит. — Сколько тогда Кировский аккумулятор от импульсника в колодце у нас провалялся? Восемьдесят лет? Или меньше? Пусть будет восемьдесят, для ровного счета, тоже срок немалый. И что? Треть заряда оказалась на месте, неплохо так удалось пострелять. А карта жрет намного меньше, чем импульсник. Батарейке может быть и сто лет, и сто пятьдесят, и она будет работать. При чем, заметь, тот аккумулятор шел по четвертому уровню, а этот — по пятому, к тому же мы не знаем точно, какие технологии тут в ходу для этих штук...

— Ты лучше скажи, защиту искал? — с интересом спросил

Скрипач.

– А ты как думал? – хмыкнул Ит. – Первым делом, как только вы в тот же день пошли за плавником.

– И что?

– И ничего, – развел руками Ит, позабыв про костыли. В результате правый костыль упал на землю. – Я ничего не нашел, рыжий. Равно как и ты.

– Да, равно как и я, – подтвердил Скрипач. – Выводы напрашиваются следующие. Либо это что-то такое, о чем мы не имеем представления, либо кто-то много врёт, и никакой защиты нет вовсе. И, знаешь, я склонен предполагать, что второй вариант и есть ответ. Нет у него никакой защиты. Сказку он нам рассказал. Чтобы удержать при себе.

– Ох, не знаю, – покачал головой Ит. – Может, и нет. Но мне больше по душе первый вариант.

– Тебе неприятно сознавать, что он нам врёт? – спросил Скрипач.

– Возможно, – пожал плечами Ит. – Не исключено.

– Но он нам постоянно врёт, – сердито сказал Скрипач. – И о себе ничего не говорит. Что-то подсказывает, что кроме этой карты ещё много всего имеется, но говорить он не хочет категорически.

– Понять бы ещё, почему, – Ит поднял костыль. – Такая скрытность чем-то точно обусловлена. Должны быть причины. И я больше чем уверен, что они есть.

– Да конечно есть, – покивал Скрипач. – И у Лийги тоже

есть, она тоже не просто так молчит. Дурдом, блин, – сердито произнес он. – Каждое слово клещами тянуть приходится, так ещё и на нас ворчат, словно мы...

– Не в своё дело лезем, – закончил за него Ит. – Ясно, что не в своё, но нам-то как быть? Информационный вакуум мне лично не очень нравится.

– А меня он бесит. Ладно, пойдем к Лийге, – Скрипач встал. – Будем её пытаться. Так же безуспешно, как до этого пытались Рифата.

– Ну уж нет, пытаться мы её не будем точно, – покачал головой Ит. – Лийга не просто хороший скульптор или гончар, она наша...

– Кормовая база, – ехидно закончил Скрипач. – Давай называть вещи своими именами. Так что если и будем, то крайне осторожно. Чтобы не лишила лхуса с вареньем, и макарон с сыром, или как это там правильно называется.

С обжигами на этот сезон, по словам Лийги, закончили, но всё равно, в доме у неё было тепло и сухо, и вкусно пахло травами и лхусом. Конечно, без дела сидеть Лийга не позволила никому, поэтому занятия возникли тут же, для обоих, и Лийга принялась раздавать распоряжения. Ит, помощи заплести косы, а то Рифат будет ворчать на меня за то, что неопрятно выгляжу; рыжий, ступай на улицу, во внутренний двор, и развесь на палках покрывала, дождь пости-

рает. На нижние вешай, на верхние потом повесим вдвоем, ты не сможешь одной рукой. О, Ит, отлично, прекрасные ко-сы получились, и где ты только научился так хорошо и быстро плести? Пересаживайся теперь к столу, который на кухне, и подготавливай продукты для ужина. Муку надо просеять, в масло добавить вон те сушеные травки, а сыр истолочь в ступке. Рифат вечером придет? Ох, подозреваю, раньше явится, смотри, погода какая. Но ничего, сварим побольше кин-кинни, сделаем лепешек, и будем пить лхус с вареньем, медом, и лепешками. И плевали мы на этот дождь.

На улице и впрямь начиналось, кажется, самое настоящее светопреставление. Небо стремительно темнело, тучи опускались всё ниже и ниже, и поднялся ветер – но, против ожиданий, он был не холодный, а, пожалуй, что и тёплый. Лийга подтвердила догадку – да, это тёплый воздух идёт с континента, наступает весна, будет еще несколько таких больших дождей, и вернется, наконец, настоящее тепло. Откуда ветер? не понял Ит. Из пустыни, ответила Лийга. И вдруг почему-то помрачнела. Ветер идет из пустыни, по дороге собирает влагу, и приходит сюда вот такими циклонами. Странно, заметил тогда Ит. Обычно же не так. Циклоны вроде бы над морем всегда возникают. Ну, у нас вот так, ответила тогда Лийга. То есть не всегда так. Только весной. Ранней весной. Вот как сейчас. А влагу ветер набирает над озёрами. Там огромные озёра, Ит, их там много, на юге, вот тебе и влага.

– Кстати, а где ты так ловко научился плести косы? – вдруг спросила она. Спросила совершенно обыденно, без всякого перехода от темы озер и циклонов куда-то ещё. – У тебя здорово получается. И очень быстро.

Ит в первую секунду даже растерялся, но вовремя опомнился. Вот, значит, как? Хорошо. Поиграем в эти игры.

– Не знаю, – он равнодушно пожал плечами. – Себе плёл, у меня же длинные волосы. Вот и получилось.

– Точно себе? – Лийга прищурилась.

– Ну а кому, – ответил Ит.

– Ясно, ясно, – покивала Лийга.

...Ит в эту секунду вспомнил – как ножом по сердцу резануло его это давнее, полузабытое воспоминание. Терра-ноль, Москва, осень, утренняя дремотная темень, и дождь. Вот примерно такой же дождь, какой идёт сейчас за окном дома Лийги. Спящая по утреннему времени квартира, опущенные шторы, тишина, прерываемая лишь шумом дождя. А потом – легкие, беззвучные шаги по паркету, и Дашин голос:

– Пап... папа, – шепотом, чтобы не разбудить остальных. – Пап, нам с Веркой в школу скоро... заплети, а? Паааап...

Плевать, что после смены, и плевать, что спать хочется просто до одури. Улыбнуться сонно, сесть, одёрнуть майку.

– Сейчас, малыш, – Даша, оказывается, притащила с собой в комнату детский стульчик, который низенький совсем. – Садись. Тебе одну или две?

– А колосок можно?

В дверях комнаты уже стоит сонная Вера, потирающая глаза.

– Пап, и мне колосок, – тут же говорит она. – Тебе кофе поставить?

– Поставь, – вздыхает Ит. – Поспишь тут с вами, хулиганки... Даш, садись, а то и правда в школу опоздаете.

Волосы. Чистые, упругие, непослушные молодые волосы дочки, любимой дочки, зайчика солнечного, котёнка, Дашеньки. Её волосы, которые его пальцы, сотни раз делавшие эту нехитрую работу, помнят уже самостоятельно, вне сознания, тут же делят на прядки, и плетут из этих прядок бессмертный колосок, любимую их с сестрой косу – самую модную, самую практичную, самую удобную. Конечно, он не дергает волосы, конечно, он ни за что и никогда не сделает своему родному и любимому ребенку больно – поэтому привычная Даша сидит совершенно спокойно, и молча ждёт, когда папа закончит обязательный утренний ритуал, а в дверях уже снова стоит Вера, и держит в руках его любимую керамическую тяжелую кружку с кофе...

– Ит, ты чего, замерз? – с интересом спросил Скрипач.

– А? – Ит поднял голову. – Да нет, я так. Пытался вспомнить, где научился косички плести. И не вспомнил. Лийга спросила, где я научился, а я забыл, наверное.

Скрипач кинул на Ита осуждающий короткий взгляд – он-то всё прекрасно понял – вздохнул, и ответил:

– Может, ты маме плел? Хотя она в последние годы со

стрижкой ходила.

– Ходит, – тут же поправил Ит. – Ходит со стрижкой, да. Удобнее потому что. Слушай, а ведь верно. Плёл когда-то. Мелким совсем, лет в двенадцать, что ли? Не, рыжий, не помню точно, – он покачал головой. – Да и какая разница?

– Вообще никакой, – покивал Скрипач. – Это ты прав. Теперь-то уж точно никакой разницы.

– Наверное, у тебя талант парикмахера, – заметила Лийга. – Так бывает. Есть у кого-то какой-то дар, а он живет с ним, и даже не знает, что дар спрятан где-то глубоко внутри. А потом происходит что-то, и раз! дар просыпается. Может, у тебя так и получилось.

– Может, – дернул плечом Ит. – А у тебя, Лийга, есть какой-то дар?

Лийга в ответ усмехнулась – Ит тут же понял, что смеется она не просто так. Она лихорадочно сейчас ищет ответ. И правду говорить категорически не хочет. Интересно.

– Был когда-то, – сказала она. – Да весь вышел. Так и живу теперь. Бездарно. И поделом... Рыжий, поставь-ка воду, – приказала она. – Сдается мне, Рифат сейчас придет. Вон что на улице творится. Как бы он не утонул по дороге.

Дождь и впрямь усилился, крупные капли колотили по стеклам – да, в доме Лийги были самые обычные стекла в окнах, причем, кажется, едва ли не самодельные, раскатанные мокрой скалкой. «С волной». Это первым заметил Скрипач, и потихоньку рассказал Иту – тоже небезынтересный факт, с

учетом карты пятого уровня и какой-то неведомой защиты, которую они не сумели найти. Неровные стекла, посмотри, сказал тогда Скрипач.

– Да, ну и дождина, – покивал Скрипач. – Зато ковры с покрывалами хорошо отстирает.

– Станет потеплее, скибы ваши тоже так же постираем, – сказала Лийга. – Я бы давно их и руками в тазу в порядок привела, так ведь Рифат не даст, опять будет полдня объяснять про приличия...

– А он и тебе про них объясняет? – с интересом спросил Скрипач.

– А как же! – Лийга всплеснула руками. – И капюшон надень, и маску пристегни, и босая не ходи, и кольца под руками спрячь. Заботливый, сил нет. И ведь не поспоришь, он же прав, только как же это надоедает порой, не передать.

Рифат пришел, когда уже совсем стемнело. Промокший до нитки, сердитый, и, кажется, расстроенный.

– Опять крышу сорвало, – сообщил он с порога. – Ветер с моря крутит, снова угол ободрал. Я слазил, поправил, как мог, но ведь полдома вымокнет всё равно.

– Зато плавника накидает много, хоть погреемся, – заметил Скрипач.

– Что верно, то верно, – покивал Рифат. – Волнение сильное, много всего принесёт, это точно.

– Иди в кладовую, переоденься, – приказала Лийга. – Весь пол мне сейчас закапаешь, у тебя одежда мокрая. И обувьними.

Полы в доме были деревянные, набранные из короткой сухой доски, и сейчас под ногами Рифата на чистом полу образовалась уже изрядных размеров лужа.

– Иди, – сердито сказала Лийга. – Я положила там тебе, в кладовке.

Рифат недовольно поморщился, но в кладовку всё же отправился. Вышел через пару минут почти в такой же одежде, в какой ходил всегда – длинная рубаша, почти до колен, подхваченная матерчатым поясом, широкие длинные штаны, и длинный жилет с капюшоном. Конечно, без плаща – в доме было тепло.

– Брось одежду за дверь, на лавку, – посоветовала Лийга. – Пусть дождь постирает.

– И то верно, – кивнул Рифат. – Итта, Скиа, вы тут не бездельничали? – спросил он. – Мне не надо за вас стыдиться?

– Тебе не надо за них стыдиться, – тут же встала на защиту Ита и Скрипача Лийга. – Итта заплела мне волосы, а Скиа много сделала по хозяйству. Сейчас ужинать будем. Лепешки как раз успели. Садись за стол.

Интересно, думал Ит. Это очень интересно – они ни о чем не говорят, кроме вот таких бытовых моментов. Словно... словно они старательно обходят все темы, которые считают по каким-то причинам опасными или запретными. Или – не

исключено – они намерено заставляют сжиматься пространство до размеров макового зерна, вот до этого дома, этой печи, этих лепешек, лхуса, кин-кинни, варенья, и дождя на улице. А ведь хитрая Лийга его, Ита, час назад почти поймала. Он же прокололся с этими проклятыми косами! Она подозревает что-то? Вероятно, да. И она очень ловко ушла от встречного вопроса – значит, ей самой тоже есть, что скрывать. Непросто тут всё, ох, как непросто. Будем думать.

– А можно мне варенья в лхус?

Скрипач, ну что ты делаешь, ну зачем...

– Скиа, как не стыдно попрошайничать, – строго говорит Рифат. Молодец, Скрипач, только за стол сели, а ты уже навалился. – Сиди и ешь молча, веди себя достойно.

– Рифат, отстань, – это уже Лийга, ну, конечно. – Ну хочет, и хочет, и что? Скиа, вот тебе варенье, клади, сколько надо. Уж чего-чего, а варенья у меня много...

– Кин-кинни пусть съест сначала, – Рифат всё ещё сердится.

– Я уже ем, – Скрипач пододвигает к себе тарелку. – Спасибо большое. Очень вкусно.

– Вот это правильно, так и надо, – наставительно произносит Рифат. Ох уж этот его любимый менторский тон. – А то ты ведешь себя так, словно тебе десять лет. Ну кто ест варенье до того, как съел соленое?

Кин-кинни с маслом были хороши – поэтому Ит ел именно что молча, и быстро, чтобы не успели остыть. По сути,

это просто перетертая в крупку с малым количеством воды грубого помола мука, которую затем подсушили, и сварили, но ведь вкусно же! И сытно. И масло Лийга в этот раз сделала с травами, очень приятное получилось масло, душистое, и острое. Очень хорошо она чувствует специи, Лийга. Более чем хорошо. И приправы эти у неё свои, собирает и сушит, у неё половина кладовки уставлена разнообразными коробочками, а под потолком висят десятки пучков сушеных трав. Ведьма, вдруг подумалось Иту. Неведомая ведьма, живущая в неведомом доме, на неведомой планете.

– Как дождь пройдет, сходим в лес, корни посмотрим, и грибы, – говорила Лийга. – Рановато, конечно, но ведь всякое может быть. Потеплело. Завтра утром корзинки для сушки надо проверить, и починить, если что не так. Скиа, ты с одной рукой чинить не сможешь, а вот Итта нам корзинки запросто переплетет. Ага?

Она заговорщицки подмигнула Иту.

– Попробую, – ответил тот. – Корзинки я точно никогда не плел.

– Ну, это не сложнее, чем косы, – заметила Лийга. – Да, хорошие у тебя руки, хорошие, – покивала она каким-то своим мыслям. – И глаза молодые. Эх, мне бы такие глаза... Жаль, ходить долго не сможешь. По лесу ходить, это ведь долго. Искать надо, места проверять. Скиа, у тебя ведь глаза не хуже?

– Не хуже, – кивнул Скрипач. – И есть две ноги, так что

в лесу постараюсь не подвести.

– Вот и славно, – улыbnулась Лийга. – Ну что, кому лепешки? Рифат, не отнекивайся, я на четверых напекла, а ты же не любишь, когда продукты пропадают просто так. Придется есть.

– Я не отнекиваюсь, но ты ведешь себя очень расточительно, – с упреком заметил Рифат. – До того, как уйдет вода, ещё долго ждать. Если не хватит продуктов...

– Продуктов хватит, – отрезала Лийга. – Продуктов у нас с запасом. Поэтому, как ты сам любишь говорить, молчи, и ешь. И не выводи меня из себя своей проклятой экономией! Я не шучу. Не серди меня, Рифат, если не хочешь сегодня ночевать под дождем.

Утром сперва позанимались корзинами, а потом, через пару часов, Рифат отправил их домой – нечего, мол, тут делать, идите, соберите плавника, и протрите пол в доме. И откройте дверь, чтобы всё побыстрее просохло. Спорить с Рифатом ни Иту, ни Скрипачу не хотелось, поэтому, прихватив с собой по лепешке, которые сунула им в руки Лийга, они отправились домой, через мокрый после дождя лес, по раскисшей тропинке. Идти приходилось осторожно, Ит справедливо опасался, что может упасть, однако вскоре тропинка перестала быть раскисшей, потому что...

– Рыжий, смотри, а ведь это мощение, – Ит остановился, и

пригляделся. – Раньше всё было грязью засыпано, и листьями, вот мы и не видели. А этот ливень смыл всю дрянь, и посмотри сюда. Ну как?

– Офигеть, – покачал головой Скрипач, тоже останавливаясь. – Да, хорошая мощеная дорожка. Что-то типа брусчатки.

– Не что-то типа, это брусчатка и есть, – ответил Ит. – Да какая! Шикарная дорожка, ровная, не скользкая. И очень старая, судя по всему.

– В то, что старая, охотно верю, – кивнул Скрипач. – Слушай, надо их как-то раскручивать, чтобы хоть что-то рассказали. Ну невозможно же! Живем... да какое там живем, торчим тут, и вообще ничего не знаем. А они не говорят.

– И не скажут, – Скрипач оглянулся. – Где бы посидеть? Чёрт, всё вымокло напрочь.

– Ничего, по дороге поговорим, на ходу, – отмахнулся Ит. – Знаешь, меня не оставляет ощущение, что они оба могли иметь отношение к Контролю. Сложно сказать, какое, но могли. Что-то в них ощущается, не смотря на скрытность, тебе так не кажется?

Скрипач задумался, с полминуты молчал, а затем произнес:

– Допустим, гипотетически... Рифат мог быть Контролирующим. В теории. Он... как бы сказать... есть у него некоторые черты, которые мы в счетах встречали. Аскетизм, например. Равнодушие к холоду, к отсутствию нормальной

еды, к дискомфорту. Вполне себе тянет на либо очень старого Барда, либо на очень старого Сэфес. Но – он один. Опять же, гипотетически, он мог потерять второго, но... что-то я не вижу никаких указаний на этого второго. Да и не выживают старые Сэфес по одиночке. Только парой. Умер один – умрёт и второй. Сам знаешь.

Ит кивнул.

– Да, так и есть, – согласился он. – Вроде бы оно, а вроде и нет. Вот с Лийгой как-то проще, тебе не кажется?

– Похожа на Встречающую, – Скрипач улыбнулся. – Доброжелательная, гостеприимная, обо всех позаботится, всех накормит. Дом в порядке, всё чисто, красиво, руки у неё, опять же, просто золотые. Одни только эти керамические плоски чего стоят. Помнишь, у ребят в считках была тётка, которая им в самом начале помогала?

– Помню, – Ит задумался. – Имя только забыл, но да, была тётка, и они действительно чем-то похожи, она, и Лийга. Та, правда, была человеком, а эта – рауф, но ощущение почти такое же.

– Вот и я про что, – Скрипач снова задумался. – Поэтому давай пока что считать Лийгу Встречающей, а Рифата... ну, кем-то, кто был причастен, но непонятно, в каком качестве. Может быть, тоже Встречающий... хотя нет, пожалуй, нет.

– На Контролирующего он очень даже похож, – Ит вздохнул. – И скрытность эта его в общую канву вполне укладывается. Мы не знаем, что тут произошло, и почему они так

живут, а ведь могло случиться что-то такое, что заставило его жить... ну, вот так. Рыжий, нам нужна стратегия, – решительно сказал он. – Хватит уже прозябать, надо начинать двигаться.

– Куда? – ехидно спросил Скрипач.

– Да хоть куда, – сердито ответил Ит. – Видимо, куда-то отсюда. Дальше. Скоро, если я понимаю правильно, станет тепло, они отправятся в город, а это вполне себе шанс узнать хоть что-нибудь. Надо напроситься с ними. Обязательно.

– Тридцать километров, – напомнил Скрипач. – Не доедешь.

– Доеду, – парировал Ит. – За домом действительно стоят тележки.

– Вот спасибо, – покачал головой Скрипач. – Нашел себе однорукую тягловую лошадь.

– Да, однорукую. Но не одноногую же, – Ит усмехнулся. – Ладно, пошли за плавником, а то ругаться будет. А нам этого совсем не надо, нам сейчас нужно быть хорошими и сговорчивыми. Сам понимаешь.

На берегу их ожидал сюрприз, потому что, когда они вышли на камни, обнаружили, что море отошло от берега, причем весьма существенно. Метров на сто, а то и больше. Зрелище обнаженного дна было удивительным, необычным, и они в первые минуты стояли, слегка обалдев, и не понимая,

что видят.

– Ветром, что ли, утащило, – сказал Скрипач невпопад, но Ит его понял.

– Воду? Наверное. Похоже на отлив. Но мы тут отливов что-то не видели пока, – заметил он. – Луна тут есть, так что возможно. О, вон они, эти два мола. Помнишь, мы говорили?

Две каменные гряды, основательно разрушенные волнами, теперь можно было разглядеть во всех подробностях. Но вот то, что находилось за ними...

– А это что такое? – растерянно произнес Скрипач. – Ит, вон там, ты видишь?

– Вижу, и понятия не имею, что это. На механизм какой-то похоже, – без особой уверенности ответил Ит. – Или его часть. Здоровенная, кстати, часть. И, видимо, старая, она вся в ракушках и в водорослях.

Действительно, там, на обнажившемся дне, неподалеку от разрушенных молдов, лежал странный предмет, метров тридцать длинной, полускрытый нанесенным штормами и волнами песком и камнями, и основательно заросший ракушкой и актагусом, местными водорослями, которые иногда собирал на берегу Рифат. Собирал для Лийги, она их вроде бы куда-то добавляла. Предмет этот представлял собой длинный, похожий пропорциями на огромную сигару, цилиндр, состоявший из каких-то сегментов и сочленений, часть из которых выглядела вроде бы целой, а часть была разрушена, словно...

– В эту штуку кто-то стрелял, – уверенно сказал Скрипач.

– И не единожды, – добавил Ит. – Слушай, вон там... встань повыше, я не смогу подняться... это не её лапа там неподалеку валяется?

– Точно, лапа. А вон ещё одна, – Скрипач залез на ближайший высокий камень, пригляделся. – Шесть... а, нет, вру. Восемь лап, это, по крайней мере, те, которые я отсюда вижу. Может, было больше, но море могло утащить. Какая-то шагающая фиговина была, по всей видимости. Ну и вот, дошагала.

– Слезай, – приказал Ит. – Нам велено что? Собирать плавник. Надо делать.

– Что-то у меня пропала охота его собирать, – сказал Скрипач. – Давай домой, а? И до карты дойдем, на всякий случай.

– Нет, – строго произнес Ит. – Ты что, хочешь поправить карту? Да, он за нами следит, я в этом тоже не сомневаюсь. Вот только исправлять сейчас мы ничего не будем. И корректировать тоже.

– Почему? Он будет явно не в восторге, узнав, что мы эту штуку увидели, – заметил Скрипач. – Он нам про неё говорил? Нет. И поэтому...

– Это ловушка, – жестко сказал Ит. – Они нас проверяют, ты не понял? Мы ничего не будем делать с картой, и к ней не пойдем. Соберем плавник, сколько сможем, и скажем ему правду. Что видели вот эту хрень. Пусть отвечает, что это

такое – и пусть сам же в свою ловушку и попадется. По их плану, рыжий, мы сейчас должны выдать себя. Пойти к карте, подшаманить там немного, и сделать вид, что мы ничего не видели – потому что они от нас всё скрывают. Но мы этого не сделаем.

– Ммм... – Скрипач нахмурился, задумался. – А вообще-то ты прав, я только сейчас сообразил. За кого же они нас могут принимать, а? Ведь за кого-то принимают, иначе бы не послал нас Рифат на берег, он-то более чем в курсе, что вода ушла, и что тут это всё видно. Ладно, хорошо, ловушка, так ловушка. Давай собирать, только я сперва ещё раз на эту штуку посмотрю, пожалуй.

– Посмотри, – покивал Ит. – Я тоже посмотрю. Очень любопытная, надо сказать, штука. И что-то подсказывает, что там вполне мог быть пилот. Или водитель.

– Ещё бы понять, где у неё головная часть, – Скрипач нахмурился. – А может, робот?

– Не исключено, – согласился Ит. – Тоже вполне возможно. Мне больше интересно другое. В неё стреляли сбоку и сверху, и она в этот момент была точно не под водой. Опять же, присмотришься, поймешь.

– Да всё я уже понял, – отмахнулся Скрипач. – Пытаюсь сообразить, из чего его так могли положить, восьминога этого... обратил внимание, какая площадь поражения при каждом попадании? Диаметр у этой хрени около двух метров, в видимых метрах, а диаметр поражения... ммм... чёртовы

водоросли... от полуметра, до метра с лишним. Это не импульсное оружие. Это что-то типа того, что у Саба стояло на боевом корабле. Дуговые излучатели. Причем били на подлете, чем ближе подходили, тем меньше площадь поражения, но выше эффективность, разумеется.

– Ну да, всё верно, – кивнул Ит. – А теперь давай за плавником. И надо будет дома изобразить если не удивление, то недоумение уж точно. Сейчас продумаем, как будем себя вести.

– Может, как есть? – спросил Скрипач. – Ну, с поправкой на то, что мы – молодые дуры?

– Видимо, это будет самым правильным, – согласился Ит. – Молодые дуры пришли на берег, и увидели хрень. И стало им интересно...

– ...что это такое? – спросил Скрипач. – Оно там давно лежит, под водой?

Рифат посмотрел на Скрипача без особого удивления – так, как смотрел практически всегда.

– Это акинаата-кипу, робот, – ответил он. – Робот-сборщик, робот-охотник. Да, он там давно лежит. Больше полутора сотен лет, наверное.

– Охотник? – с интересом спросил Скрипач. – И на что он там охотился? Что он вообще делал?

– Я же сказал, охотник и сборщик. Охотился на морскую

дичь, собирал водоросли, раковины. Что от него требовали, то и собирал. Один такой сборщик за месяц добычи способен обеспечить едой на год целую семью, причем семью большую. Их... арендовали когда-то, – Рифат вздохнул.

– А сейчас? – спросил Ит.

– А сейчас их нет, – безучастно ответил Рифат. – Вы же видели того, который лежит в море?

– В том-то и дело, что видели. И не поняли, что с ним случилось, – Скрипач нахмурился. – В него что, стреляли, что ли?

– Стреляли, – покладисто согласился Рифат. – Стреляли, разрушили, и он ушел под воду. И остался там, под водой.

– Но кто это сделал? Шрика? – спросил Скрипач.

– В том числе и шрика, – пожал плечами Рифат. – Какая теперь разница? В море, знаете ли, много что лежит на дне. На то оно и море.

– Знаешь, Рифат, это просто нечестно, – с горечью произнес Ит. – Ты ничего не говоришь нам. Совсем ничего. Ты не доверяешь нам? Так и скажи тогда. А если доверяешь, почему не говоришь ни о чём?

– Я не говорю ни о чём, потому что, во-первых, не доверяю никому, и, во-вторых, потому что вы просто не поймете ничего, – голос Рифата стал жестким. – Даже если я что-то скажу, для вас это останется просто словами. Улетевшими в пустоту.

– Почему? – изумился Скрипач. – Почему в пустоту? Ты

хочешь сказать, что мы настолько бесчувственные и тупые, что ничего не способны понять, что ли? Почему ты так решил?

– Я не говорил такого, – возразил Рифат. – Я сказал иначе. В пустоту – значит, в непонимание. Чувствовать тоже надо уметь, причем определенным образом. И некоторые вещи нельзя говорить всем подряд.

– Ясно, – Ит вздохнул. – Но ты хотя бы можешь ответить? Если мы спросим? Тут что, была война?

– Не совсем, – покачал головой Рифат. – Тут было немного иное. Мы не воевали здесь. Они воевали.

– Шрика? – снова спросил Скрипач.

– В том числе и шрика, – кивнул Рифат. – Здесь... жили. Немногие.

– Наши? Рауф? – спросил Ит.

– Не только, – покачал головой Рифат. – Не только рауф. Люди тоже жили. Немного. Жили в мире и согласии. Но сюда пришли те, кто... как сказать... одни живут, чтобы жить, другие, чтобы владеть. Вот сюда и пришли – владеть. Теперь владеют.

– Зачем? – нахмурился Скрипач.

– Какая разница? – приподнял седые брови Рифат. – Тем более что сделанного уже не воротишь. Что было, то пропало. Да и жить при них вполне можно. Мы вот живем. Лийга и я. У нас есть всё, что нам необходимо.

– В общем, ничего ты не расскажешь, – констатировал

Ит. – Потому что ты нам не веришь. Ну и ладно. И не верь. Давайте варить танели, а то уже вечер, и есть хочется.

– Твоя правда, – сказал Скрипач, вставая. – Пойду, воды принесу.

Глава 6. Притча

– Акинаата-кипу, значит, – пробормотал Скрипач. – Сборщик. Которого арендовали семьи. Интересный намек получается, тебе не показалось?

– Разумеется, – кивнул Ит. – Проговорился старый хитрый Рифат. Очень хитрый, как он сам думает. А всё равно проговорился, и сам того не заметил. Да, это был дом, на берегу. Семейный. Большой. И, по всей видимости, семья, которая здесь жила, брала в аренду этого робота. У кого-то брала. У кого – узнаем, думаю. Скорее всего, семья была ещё и богатая, если судить по этим двум пирсам. И жила здесь давно.

– И хозяйство у них было большое, – продолжил за него Скрипач. – Кстати, укладывается в нашу версию о том, что Лийга бывшая Встречающая. В доме ей, видимо, находиться больно и неприятно, какие-то воспоминания, наверное. Может, кто-то погиб. Поэтому она после событий переселяется в мастерскую, на склон; на берег старается без особой нужды не приходить, а в доме, вернее, в том, что от него осталось...

– Селится бывший Контролирующий, у которого поехала на старости лет крыша, – закончил за него Ит. – И это тоже логично, и укладывается в рамки идеи. Конечно, остается открытым вопрос, почему он один, как это получилось, но бывает же всякое. Нет правил без исключений. Например,

он мог слегка помешаться после гибели второго. Запросто.

– Что верно, то верно, – кивнул Скрипач, соглашаясь. – Пойдем? А то она там ждёт, когда мы явимся, а мы тут сидим на бревнышке, и треплемся.

– Мы отдыхаем, – возразил Ит. – Потому что у меня нога. Одна.

– Полторы, – поправил Скрипач.

– И болят обе полторы, – парировал Ит. – Ладно, идём. Ты прав, не стоит заставлять себя ждать.

Этим утром планировался второй выход в лес, на поиск каких-то особенных корней, и Лийга ещё вчера попросила Рифата прислать к ней Ита и Скрипача пораньше, утром. Они хорошо видят, сказала она, и сильно облегчают мне задачу, поэтому пусть утром придут, и мы сразу выйдем. По-едем по дороге. Итта ходит медленно, придется приноравливаться к скорости, а собрать нужно много. Сам понимаешь, чем больше соберем, тем больше заработаем. Рифат согласился. Сам он планировал нормально починить крышу, и присутствие Ита и Скрипача ему было совершенно не нужно.

– Слушай, надо спросить Лийгу про этого робота, – предложил Скрипач. – Только осторожно. Очень осторожно. Если она действительно бывшая Встречающая, то она будет знать больше, чем Рифат. И ей, скорее всего, будет не всё равно, как ему.

– Только совсем осторожно, – согласился Ит. – Не хоте-

лось бы делать ей больно. Ты представляешь, какие воспоминания могут быть, если там действительно жила её семья, и кто-то погиб? Даже думать про это не хочу.

– Гм, – Скрипач задумался. – Как же тогда сказать-то?.. Надо, чтобы она сама выдала те воспоминания, которые для неё не очень болезненные.

– Давай скажем, что мы пошли за плавником, и увидели, что вода отошла. Если будет реакция, то хорошо. Если закроется, и не станет говорить – настаивать не будем. Может, потом когда-нибудь скажет. Когда сама захочет. Мы дадим понять, что видели робота, и нам интересно, что это такое. Дальше дело уже за ней.

Весна уже действительно ощущалась, лес постепенно, пока что несмело, скидывал с себя холодную зимнюю одурь – изменились запахи, стали меняться звуки, даже небо, кажется, посветлело, хотя и осталось пасмурным. Лийга, Ит, и Скрипач брели по краю опушки, не отходя далеко от линии деревьев, брели неспешно, чтобы Иту было комфортно идти, и смотрели внимательно себе под ноги: Лийга объяснила, что именно следует искать, и сейчас все высматривали тонкие белые корни, которые в прошлогодней траве было видно более чем хорошо. Когда поднимется молодая трава, уже ничего не найдешь, объясняла она. Это корни орфоу, кустарника такого, объясняла Лийга. Он в одном семействе с ри-

биром, только у него ягоды мелкие, и почти не пахнут, а вот корни обладают тонким, очень приятным ароматом, который проявляется при нагреве. Это для сладкой приправы нужно, разумеется. Сперва соберем, потом просушим, доведем в печи, смелем, и готово. Можно пускать в работу. Сколько нужно корней? Чем больше, тем лучше, конечно. У нас всего несколько дней есть, чтобы их собрать. Через несколько дней мы ничего не сумеем найти, только сейчас видны молодые корни, светлые, белые, они-то нам и нужны.

Корней, к радости Лийги, набрали много, скоро место в подвязках закончилось. Молодцы, молодцы, повторяла она, отличное зрение, мы этак за три раза управимся. Теперь руки сполоснем, и перекусим, пожалуй. А то далеко от дома отошли, ещё же обратно идти, время уже обеденное, вот и поедим, и дома сразу делом займемся, будем корни промывать.

– Мы вчера за плавником ходили, на берег пришли, а там воды нет, – сообщил Скрипач, отламывая кусок от лепешки – действовать одной рукой он научился уже очень неплохо. – Это ветер воду отогнал, да?

– Да, – кивнула Лийга. – Ветер и отлив, вместе. Так на самом деле редко бывает. Обычно отлив почти не видно, но случается, что вода действительно уходит.

– Интересно, – покивал Ит. – Там дно очень любопытно выглядит...

Лийга искоса глянула на него, и вдруг, ни с того, ни с сего,

спросила:

– Вы знаете притчу о любопытной халвквине? Хотите, расскажу?

Ит и Скрипач переглянулись.

– Не знаем, – покачал головой Скрипач. – Что за притча такая?

– Она не одна, эта притча, у нас тут их было когда-то много, – Лийга задумалась. – Этакие, знаете ли, истории про одну забавную халвквину. Старинные истории. Какие-то поучительные, какие-то мудрые, какие-то смешные. Но было в них кое-что, их объединяющее. Так рассказать?

– Расскажи, – Ит оперся на костыль, сел поудобнее. – Мы давным-давно не слышали вообще никаких историй. Ну, кроме рассказа о том, как Рифат крышу чинил.

Не будет она говорить про робота, понял он. Скрипач, кажется, тоже это понял, но, памятуя об уговоре, от комментариев воздержался.

– Ну, тогда слушайте, – Лийга улыбнулась. – Жила была в одной семье, живущей в старом красивом Городе, молодая халвквина...

Притча о любопытной халвквине

Жила была в одной семье, живущей в старом красивом Городе, молодая халвквина. Была она красива, обучена неплохо, законы чтит, родителей уважала. Но вот только ха-

рактер ей достался слишком уж неумный, и, когда пришла ей пора покидать родительский дом, чтобы обрести свой, старший отец велел ей отправляться в путь, на смотрины, и наказал:

– Будь сдержана, не желай большего, чем тебе отпущено. И не спрашивай сверх меры.

– А то что? – спросила тогда молодая халвквина.

– А то вместо нового дома и любящей семьи ты окажешься на Дороге из пепла и стекла, – ответил отец.

– Что это за дорога такая? – не поняла халвквина.

– Лучше тебе не знать. Будь разумной, любимое моё дитя, а когда устроишься на новом месте, пошли нам с матерью весточку, чтобы наши души не болели о тебе.

Молодая халвквина обняла старшего своего отца на прощание, и пошла в центральную часть Города, туда, где была древняя крепостная стена, и находилось множество лавочек, магазинчиков, и, главное, площадок, на которых шли смотрины. Однако на смотрины она не спешила, подумала, что надо поискать и поспрашивать про площадки. Где женихи лучше, где сговор дольше, где место счастливее? Зашла она

в первую лавочку, которая попалась ей на пути, и спросила старичка-хозяина:

– Скажи мне, добрый меис, где тут лучше жениха искать?

– Это смотря какого жениха ты хочешь, милая, – ответил тот. – Если богатого, то надо идти к воротам. Если ласкового, то иди ко рву. Если умного, то ступай к младшей башне, что на стене. Какого ты хочешь?

– Я не знаю, – растерялась халвквина. – Вроде все по душе, а вроде и нет. Не бывает, чтобы всё сразу?

Меис засмеялся в ответ.

– Может, и бывает, а может, и не бывает, – сказал он. – Тебе, наверное, лучше ещё у кого-то спросить.

Вышла халвквина из лавочки, и пошла дальше. Дошла до стены, видит, ещё лавочка стоит, а в ней тоже хозяин. Зашла, да и спросила:

– Не знаешь ли ты, добрый меис, где мне жениха лучше искать?

– А какой тебе нужен жених? – спросил хозяин.

– Чтобы и богатый был, и ласковый, и умный, – принялась перечислять халвквина.

– А как же красота? – удивился хозяин. – Тебе, наверное, красивый жених нужен. Если умный, богатый, да ласковый, но урод, счастья с ним не будет. Сама подумай.

– И правда, – согласился халвквина. – Где же такого найти?

– Не знаю, – развел хозяин руками. – Попробуй у кого-то ещё спросить.

Вышла халвквина из лавочки, и пошла дальше. Видит, ещё одна лавочка, зашла, и сразу к хозяину:

– Скажи мне, добрый меис, где мне жениха искать, чтобы был богатый, ласковый, умный, и красивый?

– А как же любовь и молодость? – спросил в ответ хозяин. – Нужен ли тебе богатый, ласковый, умный, и даже красивый старик, если ты не будешь его любить? Подумай.

Вышла халвквина из лавочки, села под дерево, на камень, и задумалась. И правда, верно ли она ищет? Не много ли она

хочет? Ведь получается, что для счастья ей нужно найти всё и сразу, а иначе она рискует на всю жизнь остаться несчастной. Нужно ли ей это? Каждый меис дал ей правильный совет, но если сложить их все вместе, эти советы, всё получается неправильно. Значит, надо найти того, кто посоветует так, чтобы она, халвквина, поняла, что же ей нужно искать.

Встала она с камня, и пошла дальше. Видит, лавочка ещё одна стоит. Зашла, и спрашивает хозяина:

– Не знаешь ли ты, где можно найти мудреца, который может правильный совет дать?

– А зачем тебе такой мудрец? – спрашивает в ответ хозяин.

– Да вот, пришла пора мне жениха искать, а я не пойму, как это делать верно, – ответила халвквина.

– Ступай вокруг стены, к южной башне, живет там один мудрец, может, он что-то и подскажет, – ответил хозяин. – Только, сдастся мне, не жениха ты ищешь вовсе.

– А кого же я тогда ищу? Или что? – удивилась халвквина.

– Не знаю, – развел руками хозяин. – Может, мудрец тебе

ответит.

Долго бродила халвквина по старому городу, пока не нашла дом, в котором жил мудрец. Она устала, проголодалась, к тому же наступил вечер, и на улице стало холодно, но халвквина упорно продолжала искать, потому что истина, к которой она стремилась, оказалась сильнее, чем холод и голод. Наконец, она вошла в дом мудреца, и с порога спросила:

– Уважаемый мудрец, мне нужен твой совет. Ходила я по городу, искала площадь, чтобы встретить там жениха. Но ни одна площадь мне не приглянулась. Снова ходила я, спрашивала, чтобы понять, какого жениха мне нужно найти, но советы, которые мне дали, все оказались неверные. А сейчас я поняла, что искала не жениха вовсе, а ответ на вопрос – что же я хочу найти? Ты не можешь помочь мне?

Мудрец вышел ей навстречу, вздохнул, и сказал:

– В моем доме есть комната, в которой две двери. За одной – то, за чем ты изначально шла. Там уют и счастье, покой и тепло. Конечно, их придется добиться, но труд окупит себя. За второй – находится Истина, но чтобы обрести её, нужно пройти нелегкий путь. Я отведу тебя в эту комнату, и ты сама выберешь ту дверь, которая больше тебе по сердцу. Учти, у тебя одна попытка. Второй не будет. Ты поняла?

Халвквина кивнула, соглашаясь, и пошла следом за мудрецом. Он провел её в маленькую комнатку, и поставил перед двумя дверьми, одна из которых была сделана из дерева, а вторая из металла.

– Я уйду, – сказал мудрец, – чтобы не мешать тебе решить. Это должен быть только твой выбор.

Халвквина осталась одна. Она подошла к двери, сделанной из дерева, положила на неё ладонь, и услышала милые, домашние, и уютные звуки. Звякала посуда, переговаривались женщины, смеялись дети, мужской голос пел веселую песенку, да и дерево под ладонью оказалось тёплым, гладким, и приятным на ощупь. Халвквина покивала, подошла ко второй двери, и тоже положила на неё ладонь. Но вместо детского смеха и песенки она услышала голос ветра, печальную песнь листьев, и словно бы перезвон крошечных колокольчиков – ей показалось, что так, наверное, могут звенеть звёзды в осеннем небе.

– Я сделала свой выбор, – сказала она, и вышла через металлическую дверь. Сперва она оказалась в темноте, но, когда темнота рассеялась, халвквина поняла, что стоит у главной стены, за пределами Города, что за её спиной нет никакой двери, одни только холодные камни, и что перед ней

лежит Дорога. Подумала халвквина минутку, запахнула поплотнее от холодного ветра свой скиб, и пошла от Города прочь, не зная, куда приведет её избранная ею же самой Дорога из пепла и стекла.

– Это, конечно, очень интересно, но к чему ты это рассказала? – спросил Скрипач. Лийга усмехнулась.

– Прежде всего, к тому, что любопытство не довело халвквину до добра. Если бы она не слушала глупых советов, и не задавала ненужных вопросов, она бы сумела войти в хорошую семью, и жить достойной жизнью. Но её любопытство и жажда познания привели её не к благу, а к началу пути в неизвестность, по которому ей придется всю жизнь скитаться неприкаянной. Вот и думайте, хорошо ли это, и правильно ли она поступила, не послушав отца?

– Как сказать, – Ит нахмурился. – С одной стороны да, конечно, путь она выбрала трудный. А с другой стороны, она поступила честно.

– То есть мораль о том, что лучше не задавать лишние вопросы, с вами можно не обсуждать? – прищурилась Лийга.

– Точно, – кивнул Скрипач. – Мы в этом всё на стороне халвквины. Она молодец. Домашний уют хорошо, конечно, но истина-то интереснее.

– Ну-ну, – покачала головой Лийга. – Истина интереснее? Ладно. Это я запомню. А теперь пойдемте корни мыть, да и другой работы дома полно.

– Мастерница тонких намеков, – заметил Скрипач. – До какой степени ей не хотелось отвечать, подумать только.

– Ну, в некотором смысле она ответила, – сказал Ит. – Притча даже не с двойным, а с тройным дном, ты понял? Она нас проверяла.

– Они нас постоянно теперь стали проверять, – кивнул Скрипач. – Вот только не пойму, для чего им это нужно.

– Мне кажется, что они пытаются решить, что делать с нами дальше, – Ит остановился. – Блин, как же я всё-таки быстро устаю. Пойдем, посидим.

– Ещё бы ты не устал, полдня ходили, а потом с корнями возились на улице, – Скрипач покачал головой. – Идём, конечно, рано еще тебе такие нагрузки... Ничего, подождет Рифат.

Бревно в этот раз выбрали другое, в стороне от тропинки. Сели, вытащили из подвязок лепешки, которые им дала в дорогу Лийга, отломали по куску. Почему бы не поесть лишний раз, дома будет только танели, да и масло у Рифата, кажется, кончилось.

– Рыжий, помнишь, Эри про такое говорила, и не один раз? – спросил Ит. – О том, что она пыталась общаться с кем-то, но потом, когда у женщины, с которой она общалась, появлялись дети, общение довольно быстро заканчивалось? Тебе не показалось, что в притче об этом тоже есть? Прит-

ча на самом деле не столько про выбор жениха, сколько про выбор пути – в первую очередь, познания. Халвквина имела возможность выбрать дом и семью, путь к которым находился за деревянной дверью, но она, уже осознав, насколько интересными могут быть вопросы, выбирает железную дверь.

– Ну да, – кивнул Скрипач. – Ты совершенно прав, так и есть.

– И вот что у меня получается. Первый уровень этой притчи – бытовой. Если не хочешь проблем, не спрашивай лишнего, и будет тебе счастье. Второй уровень – предостережение, там ясно дают понять: в случае выбора железной двери лёгким твой путь не будет точно. Третий уровень – выбор свободы и несвободы. Несвобода – это не плохо. Это клетка, да, но клетка-то золотая. Там счастье. А свобода – это дорога из пепла и стекла. По которой, вероятно, идти будет ох как непросто.

– Хорошо разложил по полочкам, молодец, – похвалил Скрипач. – Согласен. То есть Лийга нам сейчас предложила выбор: либо какой-то простой путь, который, по её мнению, даст нам некое благо, либо... что-то ещё.

– А теперь вывод, которого ты ждал, – усмехнулся Ит. – Да, оба они имеют отношение к сигнатуре, о которой мы с тобой знаем, и частью которой являемся, хотим мы того, или нет. Кажется, нам сейчас предложили из этой сигнатуры выйти. Вот таким образом. Через притчу. Тонко, так сказать, намекнули.

– Угу, конечно, уже бежим, – покивал Скрипач. – Особенно ты, на полутора ногах. Ит, слушай, вот честно. Если мы в этом всё оказались, то придется идти до конца, ты же понимаешь?

Ит покивал, вздохнул.

– Само собой, – согласился он. – В первую очередь из-за того, что для нас это единственный способ остаться в живых, и попытаться найти дорогу домой. Контролем мы не станем, как ты сам понимаешь.

– Не станем, – подтвердил Скрипач. – Может быть, отчасти из-за этого Лийга и рассказала нам эту притчу. Она вполне может что-то видеть и осознавать.

– Если она Встречающая, то да, может. Или это осознал Рифат, и рассказал ей, – добавил Ит. – Мы контактируем с ним больше, он наблюдает нас чаще. И, знаешь, ещё момент в этой притче, который меня царапнул, – Ит задумался. – Дорога. Дорога ведь может вести и к выходу, правда? К выходу... куда-то ещё.

– Отсюда, – жестко сказал Скрипач. – Ты бы хотел до окончания века перебирать корни и собирать плавник? Я нет. Точно нет. Нам нужно выбирать. Лечиться. Что-то решать.

– В город нам нужно, для начала, – напомнил Ит. – В тот город, который мы видели на карте. Может быть, там получится найти хоть какую-то информацию.

– Ну да, – согласился Скрипач. – Знаешь, я уже начинаю думать, что надо бы рассказать им хотя бы часть правды о

нас. Может быть, это подвигнет их рассказать хоть что-то о себе.

— Сомневаюсь, — покачал головой Ит. — Очень сильно я в этом сомневаюсь. У меня ощущение, что о себе они расскажут, только если припереть их к стенке так, чтобы выхода вообще не было. Но мы не имеем ни малейшего представления о том, как это сделать.

— Вот-вот, — хмыкнул Скрипач. — Ты отдохнул? Тогда пойдем.

Рифат был дома, и, кажется, на берег этим вечером идти не собирался. Он сидел на лавочке под стеной, и скручивал очередную веревку, на этот раз — из волокон водорослей актагуса. Вережки эти получались рыхлые, непрочные, хватало их ненадолго, поэтому Рифат часто плел новые. Потому что веревки были нужны. И для ношения подвязок, служивших для переноски всего подряд, и для обуви, которая к ногам фиксировалась именно такими веревками. Даже дверь в дом Рифата была подвешена на веревочные петли. На веревки шли волокна двух видов: травяные, которые отдавала Лийга, в небольшом количестве, и из актагуса, который Рифат добывал сам.

— Добрый вечер, — поприветствовал Рифата Скрипач, подходя ближе. — За плавником пойдем?

— Нет, не сегодня, — покачал головой Рифат, не прерывая

своего занятия. – Видишь, надо работу доделать.

– А работа не может подождать? – спросил Ит.

– Не может, – ответил Рифат. – Дверь держится только на верхней петле, нужно заменить нижнюю. Перетерлась. Вы хорошо помогли Лийге? – спросил он.

– Да, она довольна, – ответил Скрипач.

– Много набрали?

– Три полных подвязки, – Ит покосился на лавочку, и Рифат тут же подвинулся, освобождая место. – Спасибо большое. Рифат, у меня очень устали и болят ноги. Долго ходили. Мы всё сделали, что она сказала. Как же сложно корни промывать, они такие тонкие...

– Зато пахнут очень хорошо, – Рифат улыбнулся. – Особенно если добавить в сладкое масло. Ну, Лийга потом даст попробовать, если вы обе будете умницами.

– Мы очень постараемся, – улыбнулся в ответ Скрипач, и без предисловия продолжил. – А на берег ты не хочешь идти из-за работа, да?

– Нет, – покачал головой Рифат. – Из-за вас. У Итты болят ноги, ты тоже долго ходила и устала. Поэтому сегодня на берег мы не пойдем.

– Ладно, – покладисто согласился Скрипач. – Хотя мы там отдыхали, посидели перед дорогой обратно. Довольно долго сидели, Лийга нам даже притчу успела рассказать.

– Какую? – спросил Рифат.

– О любопытной халвквине. Про то, как она жениха ис-

кала, а в результате попала на Дорогу из пепла и стекла, – ответил Ит.

– Хорошая притча, – одобрил Рифат. – И что же вы из неё почерпнули?

– Немало, – ответил Ит. – Интересная притча.

– Расскажи, что ты поняла, – приказал Рифат.

– Ну, во-первых, если хочешь счастья, нельзя задавать вопросы сверх меры, – произнес Ит осторожно. Рифат одобрительно кивнул. – Во-вторых, сделанный выбор может привести на сложный путь, – снова одобрительный кивок. – И, в-третьих, она выбрала свободу, а свобода не значит счастье. Потому что сложно быть счастливым на Дороге из пепла и стекла.

– Счастливой, – автоматически поправил Рифат. – Тоже верно. Но ты поняла не всё.

Скрипач посмотрел на Рифата с интересом.

– А что мы не поняли? – спросил он.

– Не пытайся брать на себя то, что не сможешь вынести, – Рифат подергал веревку, проверяя её на прочность. – Та халвквина сделала неправильный выбор, да будет вам известно. Про неё существует не один десяток притч, но заканчивается её история печально.

– Да? – с интересом спросил Ит. – И что же с ней случилось?

– Дорога из пепла и стекла привела её, уже в старости, в родной город. Нищую, больную, одинокую, и несчастную.

Она положила свою жизнь на поиск истины, которую так и не сумела найти, – Рифат встал, потянулся, и принялся сма-
тывать веревку.

– И что, она умерла? – спросил Скрипач.

– В последней притче – нет. Она заняла дом того мудреца, который отправил её в путь, потому что поняла – её послед-
ним делом станет то, что сделал когда-то он. Ей дано право:
отдать кому-то этот выбор. Следующему.

– А может так быть, что этот следующий всё-таки найдет
правильный путь? – тихо спросил Ит. – Дорога из пепла и
стекла приведет его куда-то ещё, и ему повезет?

– А сама ты как думаешь? – прищурился Рифат. – Какой
правильный путь, о чём ты? Дорога из пепла и стекла – это
единственный возможный путь. Который ведет из города – в
тот же город. По кругу. До бесконечности.

– Но, может быть... – начал Скрипач, но Рифат его пере-
бил:

– Нет, не может. Хватит об этом. Старые сказки, Лийга их
просто любит рассказывать, к месту, и не к месту. Пойдемте
варить танели, – приказал он. – Солнце уже садится, пора
ужинать.

– Вот тебе и... вот, – сказал Скрипач. – Да, дела.

– Аллюзия к Контролю размером с египетскую пирами-
ду, – подтвердил Ит. – Проходишь полный круг, и возвраща-

ешься в исходную точку, чтобы вывести на этот круг следующего кандидата. Только у нас, кажется, ничего подобного не было. Ни Лин, ни Пятый о таком не говорили.

– И в считках ничего нет, – подтвердил Скрипач. – Не рассказывали на Орине никаких сказок и притч. По крайней мере, им двоим – точно не рассказывали.

– Угу, верно, – Ит костылем пододвинул к камню, на котором сидел, кусок плавника подлиннее, поднял его, и принялся что-то чертить на крупном песке, покрывавшем дорожку. – Здесь и сейчас нам дали намек, причем весьма прозрачный и прямой. Не спрашивайте, и не суйтесь никуда сверх дозволенного...

– И ведь это мы только про несчастного робота спросили, – Скрипач отошел в сторону, пригляделся, и полез куда-то через камни. – Чёртов плавник, – пожаловался он. – Ну почему самые крупные деревяшки всегда так неудобно валяются?

– Потому что те, которые валялись удобно, уже собрал Рифат, – пожал плечами Ит, не прерывая своего занятия. – Тащи, тащи, а то ругаться будет.

Море шумело ровно, размеренно, в разрывах облаков, быстро бегущих по небу, появлялись и исчезали тут и там солнечные лучи. Море вернулось, скрыв под водой и разрушенные молы, и останки странной машины.

– Чего ты там чертишь такое? – с интересом спросил Скрипач.

– Пытаюсь понять... Допустим, мы были в точке Б, условно. Да? – Ит поднял голову. – Потенциальный экипаж, состоящий из Архэ, проходит три узла, мы это давно поняли. Стартовый узел, А, узел инициации, Б, узел разрешения и включения в систему, С. Так? Мы были в узле инициации. И пришли с тобой к выводу, что это либо узел С, либо...

– Промежуточный этап между узлами Б и С, – кивнул Скрипач. – И чего?

– Не получается, – покачал головой Ит.

– Что у тебя не получается? – не понял Скрипач.

– Смотри. Узел С подразумевает мир Контроля, так? – спросил Ит. – Потому что для Пятого и Лина узлом С являлся Орин, который был миром Контроля.

– Ага, но не только же Контроля, – возразил Скрипач. – Мы тоже там жили. Ты хочешь сказать, что этот мир к Контролю никакого отношения не...

– А ты сам не видишь? Не чувствуешь? – спросил Ит в ответ. – Здесь есть хоть что-то про Контроль, как ты думаешь? Нет. И ты это понял не хуже меня. Вспомни нашу жизнь на Орине. Небо Орина тоже вспомни. Людей, рауф, нэгаши... Атмосферу, в общем и целом. Как думаешь, там была бы в принципе возможна такая ситуация, в которой мы наблюдаем Рифата и Лийгу, да и нас самих тоже? Потом, слова самого Рифата помнишь?

– Какие? – не понял Скрипач.

– «Они пришли владеть», – напомнил Ит. – Владеть чем?

Планетой? Видимо, да. Как ты сам думаешь, что сделала бы официалка с теми, кто заявился бы немного повладеть Орином? Мокрого места бы не оставили. Поэтому, думаю, нас каким-то образом занесло в какую-то промежуточную точку, можно назвать ее Б/С. И из этой точки мы можем попасть, следуя логике сигнатуры, либо в точку С, либо в А.

– Погоди. А если в точку Б, обратно... – начал Скрипач, но Ит не дал ему закончить.

– Не думаю, – тут же отозвался он. – В случае Лина и Пятого точка инициации стала для них недоступной...

– Далеко не сразу, – парировал Скрипач. – А это означает, что мы можем вернуться туда, откуда вышли. Ну, не вышли, откуда нас сюда... того...

Ит задумался. Начертил на песке еще пару линий, и вдруг замер с палкой в руке.

– Ты чего? – недоуменно спросил Скрипач.

– Пока ничего, – невпопад ответил Ит. – Хотя... они-то были истинными Архэ, а вот мы с тобой – как та халвквина на дороге из пепла и стекла. Да, они смогли вернуться, против правил. Трижды, кажется, да? Или четырежды? Но у них уже были возможности, вполне определенные, и средства, и желание. Может эта сигнатура работать иначе?

– Стрелок может всё, но я не понимаю, к чему ты это говоришь.

– У тебя есть ощущение, что мы можем вернуться? – спросил Ит. – Или ощущение, что нам необходимо вернуться? У

меня нет.

Скрипач задумался.

– Если честно, я не знаю, – признался он. – Правда, не знаю. О! Вот тебе ещё одна мысль. Да, они смогли вернуть-ся, но только после окончательного становления в точке С, считай, конечной в процессе. А мы-то с тобой не в точке С вовсе, мы непонятно где. Для возвращения нам как раз точка С и понадобится, по всей видимости.

– Наконец-то ты оформил мою интуицию во что-то членораздельное, спасибо тебе большое, – Ит бросил плавник обратно в кучу. – Дело за малым. Уговорить Лийгу и Рифата поставить нас на эту самую дорогу, и дать пинка с ускорением. Или нет? Или они должны будут пройти эту дорогу вместе с нами?

– Ага, пойдут они, как же, – проворчал Скрипач. – Вот этот момент, кстати, в твою стройную схему не укладывается.

– Какой? – Ит нахмурился. – То, что Рифат – Контролирующий, а Лийга – Встречающая?

– Именно, – кивнул Скрипач. – Всё было бы ничего, но по факту – снова получилась хрень.

– Не совсем, – возразил Ит. – Скорее всего, мы чего-то не знаем, поэтому картинка пока не складывается.

– Что именно не складывается, если это – не мир Контроля? – прищурился Скрипач. – У тебя дыра в рассуждениях, родной. Как в промежуточный мир сигнатуры могли попасть

Встречающая и Контролирующий? Что они тут делают?

Ит задумался на секунду, потом с сожалением посмотрел на Скрипача. Покачал головой.

– Рыжий, ау, – позвал он. – Давай напомним. Мы с тобой во время оно работали агентами. И нас с тобой систематически ставили в группы, которые отслеживали Контроль. Во время отпуска. Тебе это ничего не напоминает?

– Ага... Угу... ну, гм... в этом есть резон, – Скрипач нахмурился. – В принципе да, это возможно, и Рифат что-то говорил про сезон и про курорт, правда, совсем мало. Отпуск? Если так, то да, это укладывается в схему. Со скрипом, но укладывается. Хорошо. Пока что примем версию, как рабочую.

– И пойдем домой, топить печку, потому что я замерз, – пожаловался Ит. – Так вот, подводя промежуточный итог рабочей версии, получаем следующее. Рифат – Контролирующий, Лийга – Встречающая, они здесь отдыхали, может быть, имели временное жилье, потом произошло нечто, и... они почему-то остались тут, без возможности возврата. Так?

– Так, – согласился Скрипач. – Принимается. Исходить будем пока что из этой модели. И давай почаще наведываться к карте, что-то подсказывает, что скоро тут может стать интересно.

– Если всё так, как сказал Рифат, то да, причем ждать уже недолго, – подтвердил Ит. – Дорога из пепла и стекла, значит. Хорошо. Будем искать ту дверь, через которую можно на неё

ВЫЙТИ.

Глава 7. Череп

– Мы с тобой один момент не учли, – Ит сел на лавочку, и поставил костыли у стены, на ставшее уже привычным место.

– Это какой? – поинтересовался Скрипач, тоже присаживаясь рядом.

– Возраст. В данный момент они старые, поэтому нам показалось, что схема сошлась. Правда, я подумал про отпуск, но это ошибка, как я сейчас понимаю.

– Почему? – нахмурился Скрипач.

– Не может быть никакого отпуска, учителями становятся уже очень старые Сэфес... понимаешь, о чем я? – спросил Ит в ответ.

– Ага, – медленно кивнул Скрипач. – Рифат старый, верно? Но в тот период, когда здесь что-то случилось, он был не в возрасте учителя. Он был моложе. Сэфес, которые работают, не учат. Геронто они не проходят. Консультируют – максимум, да и то очень редко. Вот тебе и отпуск. Мы ошиблись.

– Верно. Так что опять не сходится, – покачал головой Ит. – И... рыжий, у тебя не появилось ощущение, что Лийга старше Рифата?

– Появилось, – кивнул Скрипач. – В последнее время так и вообще. Она мудрее в разы, терпеливее, собраннее. В принципе, это укладывается в концепт, потому что Контролирующие живут, по сути дела, меньше, но здесь снова что-то иное.

– Может, они проводники? – предположил Ит. – Те, которые должны были каким-то образом передать ту пару кому-то ещё? Это, кстати, с притчей очень даже соотносится. Блин, рыжий, мы снова оказались слепыми щенками в коробке.

– Типа того, – кивнул Скрипач. – К тому же, родной, мы тривиально не знаем, сколько им лет на самом деле. Они нам этого не говорили, и не скажут.

– Угу, будут и дальше кормить мудрыми притчами, а мы будем делать вид, что всё так и должно быть. Какое-то время, конечно. Ты же понимаешь, рыжий, что до бесконечности это продолжаться не может? – спросил Ит.

– Понимаю, – согласился Скрипач. – Придется как-то признаваться.

– Вот только в чём? – риторически спросил Ит. – Что мы им, как минимум, ровесники, если не старше? В образовании? В том, что мы Архэ? Как вообще кому-то, кто не в теме, и не знает, о чем речь, объяснить всё то, чем мы занимались? Я сейчас подумал об этом, и понял – никак. Чтобы всё это осознать, нужны годы, – Ит тяжело вздохнул, опустил голову. – С наскоку, без кучи дополнительных пояснений, мы не объясним ничего. Они могут принять нас за сумасшедших, это да, вот это как раз возможно. И, разумеется, они нам не поверят.

– Да, не поверят, – мрачно подтвердил Скрипач. – А ты бы поверил? Перед тобой сидит двадцатилетний... ай, лад-

но, пусть будет по-здешнему. Сидит двадцатилетняя халвквина, и начинает тебе втирать, что она – на самом деле древний Архэ, миллиарды раз возрождавшийся, и проходивший определенный путь, и что существует такое явление, как Слепой Стрелок, по сути, сигнатура, в которую этот самый Архэ, то есть двадцатилетняя халвквина, всегда входит в определенном качестве, и что сейчас мы, два немолодых сперва агента, а потом врача, впёрлись в такую сигнатуру, приняв её за нерабочую, а она оказалась живая и действующая, и...

– И скажет нам Рифат – вот дорожка, вот берег, добро пожаловать вон отсюда. Может, Лийга по доброте душевной лепешку даст, перекусить по пути, – Ит усмехнулся, впрочем, усмешка у него получилась совсем невеселая. – Нет, может быть, они отнесутся к нам иначе, если мы дадим понять, что мы в курсе про Контроль, но... один момент – про Контроль неплохо знают, например, те, кто с Контролем борется. Официальная знает. Транспортники. То есть знание о Контроле – отнюдь не индульгенция, наоборот, это повод настроиться, как минимум.

– И уж точно не повод помогать, – закончил за него Скрипач. – Признаваться придется поэтапно, по всей видимости. И далеко не во всём.

– И ответной откровенности ждать не стоит, – покивал Ит. – Хорошо, что потеплело, может быть, и сами что-то найдем. Имеющее отношение к делу.

Дни становились длиннее, воздух теплел, и в лес они стали выходить чаще, причем вчетвером – Лийге требовалась помощь Рифата, они собирали множество видов каких-то травок, причем собирать эти травки требовалось в определенные временные периоды, во время цветения. Пропустишь время – лишишься нужного компонента.

– Учитесь и запоминайте, – говорила Лийга перед каждым выходом. – В жизни пригодится.

– И не только для того, чтобы приправы делать. Эти травы пойдут на сборы, – добавлял Рифат. – Но это Лийга пусть расскажет, она лучше знает.

Часть трав, к удивлению Ита и Скрипача, была знакома – когда они учились медицине, Фэб вел курс поначальному, первому уровню белых миров, и да, эти травы в курсе по лекарственным растениям были. Но... Например, Ит отлично помнил и вид, и описание «корпу», растения, входящего в отхаркивающий сбор, но у «корпу» из курса цветки были розовыми, а здесь оказались темно-синими. Или – «габеус». Он был желтый, а здесь – он стал оранжевым. Интересно, спросил как-то Скрипач, а гицера лиловая тоже для чего-то годится? Лиловая? Лийга удивилась его вопросу. Гицера не бывает лиловая. Она белая, это её отличительный признак. И она – химера, у неё и цветки белые, и листья зелено-белые. Что-то ты выдумываешь, Скиа, это надо же, лиловая гице-

ра...

Погода наладилась, дожди прошли, травы поднялись, и Лийга слегка умерила пыл – теперь, по прошествии десяти дней, она уводила по утрам свою маленькую команду в лес всё дальше, потому что нужные ей растения следовало искать не по опушкам, а среди лиственниц, на склонах пологих холмов, у больших камней.

– Брать будем понемногу, главное, чтобы вовремя, – предупредила она однажды утром. – Идти далеко. Ит, ты вот чего, если отстанешь, по следам догнать сумеешь?

– Постараюсь, – ответил Ит. – Покричу, если что, позову.

– Громко только не ори, – предостерегла Лийга. – Если что, услышим.

– Хорошо, не буду громко, – согласился Ит. – Договорились.

– Вот и молодец, – заранее похвалила Лийга.

Шли в этот раз следующим порядком – первой парой были Лийга и Скрипач, которые о чем-то оживленно болтали, а второй Рифат и Ит, которые шли медленнее, и молчали. Ит заметил, что Рифат постепенно сбавляет шаг, отстает. Затем Рифат и вовсе остановился, с минуту постоял, глядя на лес, а потом свернул с тропы на прогалину между деревьями – Ит, шедший за ним следом, окликнул его, но Рифат даже не обернулся. Странная это была прогалина, словно ножом

прорезанная в роще, растущей на склоне – клин разнотравья, рассекающий собой массив лиственницы. Ит присмотрелся, и удивился ещё больше: с правой стороны прогалины, у деревьев, он заметил шест, высокий, из прямой длинной ветви, выбеленной ветром и дождями, торчащий из травы, и висящий на этом шесте, на самой его верхушке – такой же белый, старый, и выцветший череп ацхи. Большой ацхи, судя по размеру. Ит прикинул – самец, здоровенный, крупнее лоса, а сам череп – зимний, безрогий. Ацха на зиму рога скидывает, а весной и летом рога уже есть, но маленькие. Рифат окинул шест коротким, словно бы оценивающим, взглядом, и скрылся между лиственницами.

Ит кое-как нагнал Лийгу и Скрипача, которые, к счастью, замедлились, увлеченные разговором, и спросил:

– Куда он пошел?

– Кто? – сделала вид, что не поняла, Лийга. – Куда пошел?

– Рифат. В лес пошел. Где череп какой-то на палке, там, где просека. Он обратно вернется?

– Рифат? А, да, пошёл. Надо. У него там... все, – Лийга коротко глянула на Ита. – Проведать пошел. Идёмте, он нас догонит.

– Все? Какие все? – спросил Ит.

– Не твоё дело, – отрезала привычно Лийга.

– Рыжий, понимаешь, что там? – спросил Ит на следую-

щий день. В этот раз в лес они не пошли, Лийга занималась переработкой трав, а Рифат, по его словам, отправился к реке, посмотреть, не спала ли вода, и не открылся ли, наконец, брод.

– Догадываюсь, – вздохнул Скрипач. – Могилы?

– Да, могилы, – кивнул Ит. – Знаешь, сколько?

– И сколько? – Скрипач нахмурился.

– До хрена, – Ит покачал головой.

– А точнее?

– Двенадцать штук. Когда вы пошли домой, а я отстал...

– Ит покосился на дом, но Лийга, судя по звукам, доносившимся изнутри, выходить не собиралась, она что-то толкла в большой каменной ступке. – Я сумел прогуляться туда. Чуть последнюю ногу не сломал, там камни. Так вот, двенадцать могил, обозначены они весьма условно. Если бы я случайно не нашел первый камень, я бы ни за что не понял, как их искать. Камни есть, они подписаны, но по боковинам, и на уровне земли. То есть могилы спрятаны вот таким образом.

– Так...

– Рыжий, это кошмар. Одна могила мужская, – начал Ит.

– Его второй, другой Сэфес? – спросил Скрипач.

– Нет. Его отец, там так и написано. Двое халвквин, три женщины... и шестеро детей, от года до двенадцати лет, – Ит опустил голову на руки. – Рыжий, он никакой не Сэфес, Рифат. Мы ошиблись. Там его семья. Именно его семья.

– Но Лийга... – начал было Скрипач, однако Ит его тут

же перебил:

– Она туда не ходит. А вот он там бывает. Не сказать, что часто, но бывает. И если учесть эти камни, и это место, то структура его личности складывается полностью. Это он потерял на том берегу всех, кто у него был. Это его дом, точнее, то, что от дома осталось. Он в депрессии, глубочайшей, очень старой, и болезнь его изменила, целиком и полностью. То, как он живет...

– Стоп, – Скрипач поднял руку. – Погоди. Это один шаг до суицида, ты же понимаешь. Ты Фэба помнишь, в самом начале? Он тоже всех потерял, и Гиру, и экипаж. Что он сделал? Засел в доме, и перестал есть. Ходил молиться, пил водичку. И угасал. И угас бы, если бы не...

– Если бы не мы, – покивал Ит. – Да, верно, всё так и есть. Мы его удержали тогда. От смерти. А Рифата, судя по всему, удерживает Лийга. Потому что, прости, это напрашивается. Тут больше никого нет.

– Он ей служит, если ты не заметил, – подсказал Скрипач. Ит согласно кивнул. – Отдает всё, оставляя себе только то, что ему позволяет не сдохнуть с голода. Помогает с работой. С домом. С обжигом. Да вообще со всем подряд.

– Лийга женщина, – напомнил Ит. – Не знаю. Может быть, она последняя оставшаяся из семьи? Жена кого-то из халв-квин? Родственница?

– Или дочь, – предположил Скрипач. – Почему нет, тоже версия.

– Особенно с учетом того, что события, которые тут были, случились как минимум полторы сотни лет назад, – Ит снова оглянулся на дом. – И вспомни, как выглядел робот. Версию с дочерью пока что со счетов действительно снимать не будем. А вот с версией о том, что Рифат – Сэфес, придется расстаться. Он не Сэфес. Точно не Сэфес.

В этот день Ит в лес со всеми не пошел – после предыдущих походов ноги разболелись так, что ходить даже по дому было трудно. Оставайся, конечно, сказал тогда Рифат. Отлежись, отдохни. А завтра у Лийги поработаешь, сидя. Не надо тебе пока в лес, действительно, на костылях там передвигаться непросто.

Когда они ушли, Ит сперва проспал пару часов, потом перекусил холодными танели, а затем выбрался во двор, на лавочку, посидеть на солнце, и подышать воздухом. Через какое-то время он с удивлением поймал себя на том, что мысли, кажется, приобрели некое новое направление – про Лийгу, Рифата, и обстоятельства, в которых они со Скрипачом оказались, он и так думал непрерывно, но сейчас, кажется, подсознание нашупало что-то новое, и...

– Так, не спеши, – сказал сам себе Ит. – Давай порассуждаем.

Мы строили всё это время теории, и каждый раз ошибались, думал он. Вроде бы ошибались. Но – ошибались мы из-

за того, что перестали мыслить так, как требуется, скатились в бытовуху, и пытались привязать всё к самим себе, то есть мы впихивали себя в схему, о которой нам было известно. А если попробовать думать иначе? Во-первых, время. Оставим пока что в покое фрагмент, в котором находимся сами, то есть не думаем о «здесь и сейчас». Откатываем этот мир, этих рауф, и эту ситуацию на... ну, пусть будет сто пятьдесят лет назад. До некоей катастрофы, до события, которое...

– Вот оно, – Ит замер. – Так вот же оно, чёрт возьми!

Стоп-кадр, вспомнил он. Как развивалась сигнатура до момента гибели тех носителей Архэ, которые в теории могли сюда попасть? Там, на той Земле, появились наблюдатели. И принцессы. Катализаторы инициации. Здесь... здесь, в таком случае, шло формирование ячейки для точки С, верно? Шло, а потом было остановлено. Потому что вся сигнатура, весь комплекс Стрелка остановился, обнаружив, что Архэ, один из основных компонентов, отсутствует. Архэ, которые могли тут появиться, сперва не прошли отбор (узнать бы ещё, как он осуществляется, этот отбор), потом их начали воссоздавать на Тингле, потом – то, что находилось в блоках воссоздания, погибло до его завершения. Архэ – нет. Больше нет. И уже не будет никогда.

Что происходит на той планете, куда мы пришли для изучения темы? Глобальная война, и ряд событий, которые приводят к гибели наблюдателей. Но к гибели не полной, потому что эти фантомы сумели инициировать и его, Ита, и Скрипа-

ча. Да, именно так. А здесь? Здесь, по всей видимости, был следующий пункт, в котором тех, нерожденных, должен был встретить Встречающий с семьей, и, видимо, потенциальные учителя, но...

Ит поднял с земли палочку, и принялся рисовать, поспешно, торопливо.

В сигнатуре Стрелка нет случайных элементов. И если нас, в качестве Архэ, вывели каким-то образом сюда, в эту точку, то оба элемента, которые мы видим, будут рабочими, просто...

– Просто оба они, как и наблюдатели до них, являются тем самым стоп-кадром, о котором столько раз говорила Берта, – прошептал Ит. – Возраст? А в чем, собственно, проблема? На Лина и Пятого ориентироваться не стоит, потому что далеко не у всех в жизни происходит тот кошмар, о котом нам известно. Допустим...

Допустим, есть прекративший работу экипаж Сэфес, и есть семья Встречающих, такая же, к примеру, как семья Маден. Тройка. А то и четверка. Мы не люди, мы рауф, у нас действительно семьи больше и крепче. К тому же существуют области пространства, в которых Контроль чувствует себя гораздо свободнее, чем в ядре галактики Трех Спиралей. Что происходит? Отработавший экипаж живет полноценной жизнью. Встречающие тоже. И совершенно необязательно они живут в мире Контроля. Фэб, да? Снова и снова Фэб. Он был Встречающим, но при этом – он был какое-то время

не последним разумным в руководстве кластера, к которому принадлежал Орин. Был агентом. Был преподавателем. Был врачом. Ездил в миссии. Чем он только ни занимался! Он не сидел годами в одном и том же месте, они с Гирой, его первой женой, или, если угодно, его младшим, путешествовали, учились, работали, их жизнь не крутилась всё время только вокруг ожидания возвращения экипажа из очередного рейса. Когда произошла беда, то есть случилась Реакция Блэки, Фэб был на Орине, но следует учесть, что Фэб к тому моменту был уже отнюдь не молод. И в силу своей работы он стал проводить дома больше времени. Могла его застать Реакция где-то ещё? Теоретически да. Могла. Многих и застала, кстати, вспомнил Ит. Многие, носившие слепок Сети, ещё и погибали – не дома. Стоит вспомнить первое знакомство с Санкт-Реной, и первые беседы с её представителями. Конклав поддерживал Контроль. И Встречающие гибли во время реакции на его территории...

Поэтому ситуация может выглядеть следующим образом. Рифат проводит здесь время с семьей. Происходит... что-то. Что-то, о чем мы не знаем. Это не планета Контроля, но этот элемент мы из уравнения исключаем, он неважен. В результате этого «что-то» из небольшого сообщества рауф, которые должны были встретить Архэ, и включить в систему уже окончательно, в стоп-кадре остается Рифат. И Лийга. Которая тоже отнюдь не случайна.

Однако с Лийгой получается слишком много нестыковок.

Если действовать методом исключения, единственный разумный, который может претендовать на роль Контролирующего – это она. Лийга. Рифата мы уже проанализировали, и это точно не он.

Но ведь этого не может быть, одернул себя Ит. Почему?

Потому что Лийга – женщина. Мало того, она очень домашняя, очень умелая, очень хорошо приспособленная к жизни женщина. Она любит украшения и добротную одежду, она прекрасно готовит, она владеет ремеслами, знает травы, у неё в доме идеальная чистота и порядок, и, несмотря на возраст, она выглядит опрятно и достойно. Те же косы – после того, как он, Ит, случайно тогда едва не прокололся на умении их плести, Лийга просит его заплетать ей волосы систематически. Ей нравится быть красивой. Пусть пожилой, да, но – красивой.

А теперь, сказал себе Ит, можно попробовать вспомнить, как выглядели старые Контролирующие на том же Орине. Какими они были, как жили, вернее, как доживали свой оставшийся срок. Несмотря на всю заботу и участие Встречающих, несмотря на поддержку, на уважение, на помощь – это были практически всегда две почти бестелесные тени, которые о физическом существовании если и помнили, то немного и эпизодически. Учителя Пятого и Лина, Рдес и Редас (конечно, имена адаптированные и вымышленные, точнее, взятые для этой ученической пары) хороший тому пример. Им больше полутора лет даже в голову не приходило,

что ученики, напросившиеся жить с ними, отчаянно мёрзнут в продуваемом всеми ветрами холодном каменном доме. Дом, кстати, стоял на морском берегу, ну надо же, какое совпадение. Почему не приходило? Да потому что они даже не помнили, что это вообще такое, «холодно». Лин и Пятый, кстати, в старости были не лучше. Если не хуже. Часть их счетов так и осталась закрытой, о многом они предпочитали отмалчиваться, но догадаться можно. Ещё как можно. Фэб, который старых Контролирующих перевидал, наверное, с пару десятков, тоже говорил о том, что существа они весьма специфические, и что проблемы физического существования их не волнуют. Контролирующих Мадженты – уж точно не волнуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.